

Кошмарная практика для кошмарной ведьмы

Автор:

Анна Замосковная

Кошмарная практика для кошмарной ведьмы

Анна Замосковная

В спокойном регионе и практика спокойная? Как бы не так! Для юной ведьмы Мияны Тар практика началась с того, что куратора загрызли зомби. Ночь среди оживших мертвяков оказалось цветочками. Первой ягодкой стало знакомством со слугой-гомункулом. Вместо безликой покладистой куклы перед ней предстал богоподобный красавец с упрямым характером. Красавцы, упрямы, проблемы и загадочные события посыпались, как из рога изобилия. Число трупов росло, число кавалеров тоже. Мияна бы сбежала, но контракт подписан. И людей от зомби надо спасать... зомби, зомби, откуда столько зомби?

Анна Замосковная

Кошмарная практика для кошмарной ведьмы

Глава 1. О зомби, практикантке и маме

Если увидели зомби – не шумите.

Из школьной инструкции.

Иногда катастрофу ничто не предвещает, а порой всё сразу идёт наперекосяк, будто судьба даёт сбежать от страшной участи.

В крошечной тьме манил светом валявшийся на обочине четырёхгранный фонарь: сквозь единственную прозрачную стенку он из последних сил озарял странно выгнутого мужчину в фиолетово-чёрном костюме штатного мага и вцепившегося ему в горло зомби. Жёлтые блики мерцали на лужах, сапогах и скрюченных пальцах мага, тонули в прорехах одежды и разложившейся плоти.

Чавканье порой заглушалось стрекотом цикад.

Что сделала я, несчастная практикантка, без пяти минут боевая ведьма, когда обнаружила куратора своего диплома в таком, ээ... пожеванном виде? Должна была выхватить жезл и произнести заклинание связывания. Или заморозки. Или испепеления. Или экстренного успокоения. Должна была. Вместо этого прошептала:

– Мама, – и выронила тяжеленные чемоданы.

Они шлёпнулись в грязь и окатили подол брызгами.

Зажав рот ладонью, я попятилась.

«Он меня не заметит, всё обойдётся». Гул сердцебиения заглушал и цикад, и чавканье, груди в корсаже стало тесно. Ветер обволок меня сладким, гнилостным запахом.

Зомби чуть опустил мага и, словно примеряясь целовать, уставился на его открытый рот.

Похоже, куратор остыл и на ужин не годился.

Зомби поднял перекошенную гниением голову – теперь чёрные глазницы были обращены на меня.

Слева, внизу дорожной насыпи, затрещали кусты.

«Это не будет ещё один зомби. Так, какой-нибудь нехищный зверь».

Что-то лезло на дорогу, соскользнуло вниз, хрустко ломая ветки. И выбралось, забренчало цепью. В темноте не разглядеть, что. «Цон-цок-цон», – надвигался металлический перезвон. Я пятилась, пятилась, пятилась. Страшно, точно чужое злое дыхание, шуршал часто выдыхаемый воздух.

Труп шмякнулся в грязь, в луже дрогнули отблески света. Зомби, шагнув ко мне, споткнулся о куратора и упал. Задетый локтем фонарь развернулся влево – и осветил кряжистого мужчину в залитой кровью рубашке, его белобрысая голова неестественно скосилась набок. Качаясь, зомби шёл от телеги с бочкой и обвисшей на оглоблях лошадью. Свет озарил волка полутора метров в холке – зомби-оборотень, он цепью на ошейнике и звенел; обращённые на меня глаза блеснули.

А ведь у меня ещё был амулет экстренного вызова... штатного мага. И фляга с тормозящим составом. Где-то в рюкзаке, ага. А по инструкции должна висеть на поясе. Вместе с жезлом. Который тяжёлый, как пёс, и тоже в рюкзаке. Но я же как бы не на дежурстве, а только на практику еду. Да?

Все три зомби смотрели на меня. Хуже того – они ко мне шли. Топ-топ-топ.

– Ааа! – я развернулась и побежала.

Но я же не на дежурстве, да, одета, соответственно, не в рабочий костюм, а в платье до щиколоток и с двумя подъюбниками. Ноги запутались в отяжелевшей от дождя ткани, и я, поскользнувшись, рухнула в лужу. Так началась моя дипломная практика. Короткая: сзади шлёпали зомби.

Умирать рано, восемнадцать всего, они шлёпали, а я поползла. Юбка тяжёлая, а я ползла, загребая локтями грязь. Дыхания не хватало, между гребками я дёргала рюкзак, но ремешок увяз под грудью и проклятая застёжка не открывалась. Грудь большая, ремешок через неё не перетягивался – хоть убей.

«Может, они меня не заметят в темноте, а?»

Чисто теоретически такое возможно: платье тёмно-синее, руки в грязи, рыжевато-каштановые волосы должны с землёй сливаться, если не поворачивать лицо – я вся тёмное пятно на тёмном фоне.

Правда, у оборотней обоняние хорошее, но если этот успел разложиться, – жаль, не разглядела толком, – то нюх ухудшился. Надежда есть! Я упёрлась руками в холодную склизкую землю и изо всех сил оттолкнулась. Мокрый, влипший в грязь подол тянул вниз, но, подхватив его, буксуя и оскальзываясь, я сдавала влево: спрятаться, спрятаться быстрее, а там уже жезл достать и что-нибудь наколдовать.

Сзади треснуло, зашипело, и дорогу залило ярким оранжевым светом. Обернулась: телега неистово пылала, дорожка затухающего пламени соединяла её с расплюснутым под ногой зомби фонарём.

Зомби было уже четверо.

И меня прекрасно видно.

Ну что за день такой, а?

День не задался с утра. Практика эта не задалась с распределения. Даже ещё раньше! Вся жизнь! Но теперь какой-то совсем ужас: это же мой куратор моей, будь она не ладна, практики... И зомби.

Пять штук: пятый – хромой, но огромный – вышел из-за горящей телеги.

Мамочки...

Ой-ёй-ёй, что делать? В университете нашем с практическими занятиями было слабовато. Зато теорию я знала: надо анализировать ситуацию!

Так. Видимость хорошая, зомби на мне зафиксировались, но пока не бегу, они тоже не побегут, значит, надо пятиться и без паники снять со спины рюкзак, достать жезл и раствор.

Я пятилась и трясущимися руками дёргала застёжку под грудью – сегодня просто день сожаления о её объёмах. Замок заело, наверное, грязью. Что мне это давало? А ничего.

Ещё о ситуации: два дальних зомби пёрли на куратора, вниз не глядели – наверняка споткнутся. А тот, что уже повалился, аккурат на чемоданы двигался.

Делим проблемы по перспективам их наступления: пока надо разобраться с двумя зомби. А это уже не так страшно, да?

Зомби-оборотень оскалил измазанные кровью зубы.

И это называется спокойный регион, да? Это называется...

Нога соскользнула, я шмякнулась в лужу. Оборотень побежал. Я крутанулась, подставляя защищённую рюкзаком спину, подобрала руки-ноги-голову, – за быстроту реакции спасибо гаду-соседу, любителю спускаться на прохожих собак, – и на меня бахнулась пара центнеров, кости затрещали.

– Р-рр! – рокотало над ухом, и звенела цепь, исполинские когти рвали рюкзак, клацали зубы. Меня вдавливало в грязь, в лужу, ещё секунда – я захлебнусь раньше, чем меня загрызут.

Оборотень рыкнул, упёрся лапой над моей головой, и страшное давление на спину уменьшилось, я смогла вдохнуть. За подол и ногу потянули, трещала ткань, кто-то вгрызлся в ягодицу, но человеческим зубам мокрый подол, два подъюбника и панталоны не поддавались.

«Мама... мама, роди меня обратно!»

Глава 2. В которой практикантка хочет зомби-оборотня

Знание алгоритмов действий в критических ситуациях – залог выживания штатных специалистов.

Из учебника по тактике для первокурсников.

На затылок встали. Ухнув в лужу, я едва удержалась от вдоха, силилась подняться. Руки скользили, мышцы резало от напряжения, но лапа вдавливалась в воду.

– Ауу! – взвыл оборотень.

С головы слезли, я приподнялась и втянула удушающий, острый до кашля и рези в глазах воздух.

По дороге серебром разливался тормозящий состав. Разгрызенная фляга валялась рядом, на изодранном сапоге, оборотень медленно катался по земле.

Зажав нос рукавом, колючим от крупинок грязи, я оглянулась – и погребла прочь: двое зомби ко мне ползли, остальные – заторможено переставляли ноги по серебристой луже. В пасти у левого ползущего торчал клоч моего синего дорожного платья – вот кто ягодицу кусал, скотина!

Зомби вползли в светлые потоки состава и замедлились.

Отодвигаться не решилась – вдруг рядом ещё зомби. Пропитанный составом воздух драл горло хуже ангины. Спину охватывала боль, и покусанная ягодица ныла как-то подозрительно.

Зомби цепенели. Такое мы, студенты, видели лишь на первом курсе: алхимик на жуко-крысах показывал зависимость размера нечисти, концентрации раствора и скорости. Состав дорогущий, использовался в тяжёлых случаях и обычно понемногу.

И вот он растекался – годовой запас, который я должна передать штатному магу в оплату практики. Зомби застыли. Не съели они, так съест мой милый декан, за ним ректор, остальное догрызут банкиры, у которых придётся в счёт будущего

жалования занять на покупку нового запаса.

Может, собрать с земли? Некуда. Или сбежать и поменять имя? Не впервой ведь. Но тогда придётся опять учиться или работать без лицензии.

Что выгоднее: купить на кредитные деньги новые документы и отучиться ещё раз или компенсировать пролитое и жить в кабале? На нос шлёпнулась холодная капля, на щёку, опять на нос. Дадут ли мне кредит?

Ливень обрушился резко, стеной, и вмиг разметал серебристый состав.

Зомби оживились.

Теорию я знала, ага. А «не расслабляться, пока работа не закончена» не для меня писали? Шевелиться больно, но надо. Стиснув зубы, развернулась: должен же среди вывалившихся из рюкзака вещей быть жезл. Бочка с маслом ещё горела, свет пробивался сквозь серые потоки, высвечивая меня для зомби, но не высвечивая жезла.

Он же огромный, как его можно потерять? Зомби надвигались, я лихорадочно шарила в грязи, возле ладони клацнули зубы, я отшатнулась, попятилась в темноту. Дождь прибивал меня к земле, рюкзак казался невозможно тяжёлым.

Тяжёлым?

Сунула ладони за спину – рукоять! Холодная, скользкая, толстая рукоять жезла! Он запутался в обрывках рюкзака! Я дёргала, тянула и выкручивала жезл, шепча заклинание подчинения. Зомби подползал. Жезл застрял намертво.

Стена воды почти скрыла оборотня.

Соберись!

Зомби протянул руку, я рванулась назад, жезл выскочил.

Я взяла в грязи. Хлестал дождь, убивая последние всполохи огня. Я обшаривала лоскуты рюкзака – жезла нет.

А зомби есть.

Подбирался к ноге. Лихорадочно пнула, каблук врезался в твёрдое.

«Шевелись!» – я задышалась.

Дождь стих. Шуршали в темноте последние капли. Хлюпали шаги.

Так, боевая я ведьма или кто? Не позволю себя грызть, ягодица с коленом и так зудят.

Я щупала лоскуты за спиной – пусто, пошарила по земле – жезл! Вывалился. Милый, любимый, бесплатный студенческий жезл, булава без шипов: «Будет с шипами – сами уьётесь», – пояснял университетский мастер. Но я и без шипов справлюсь: умирать-то рано. Ноги коснулись. Я ударила наотмашь, ещё раз – хрустко чавкнул пробитый череп, удар отдался в мышцах.

Подол тянул вниз, но я встала.

Уже несколько часов по тракту никто не проезжал, здесь убили бывшего штатного мага, так что на помощь и прочие учебные послабления рассчитывать нельзя – только на себя.

Штатные специалисты так и погибают: нечисть есть, а помощи – нет.

А я ещё не штатный специалист, мне рано. Рано, кому говорю!

Но как же тряслись колени и руки, оттянутые жезлом.

Одной мне с этакой оравой не справиться.

Мне нужен оборотень.

Глава 3. О преимуществах света и темноты

Мы не будем рассматривать действия специалиста в случае массового скопления зомби ввиду нереальности такой ситуации в мирный период.

Из учебника по тактике для первокурсников.

Темно и тихо, как в могиле. Усилием воли сохраняя заклинание в предпоследней фазе активации, я закрыла глаза и прислушалась. Сердце дико колотилось в груди. Дрожь усиливалась, ещё пара таких минут – и начну стучать зубами.

Зубы на всякий случай стиснула крепче.

Нервы – натянутая струна.

Хлюп... хлюп...

Внутри холодело, я медленно подняла жезл на уровень глаз и заставила себя тихо выдохнуть.

Хлюп... хлюп...

Ледяной поток магии струился по позвоночнику, перетекал по языку, охлаждал зубы. Кончик языка едва касался нёба, замыкая течение в круг. Сила заклинания натягивалась, будто тетива, стоит опустить язык и произнести, даже мысленно, последнюю фразу – стрела полетит, но где её цель?

Медленно, почти не дыша, повела жезлом из стороны в сторону, снова. От тяжести жезла ныли мышцы.

Ничего не видно.

Навершие беззвучно чего-то коснулось.

– Подчинись моей душе, – выдохнула я.

На голову будто кастрюлю нахлобучили. Звуки двоились. Ощущения – смазывались, даже боль в спине. Я заставила своё второе, мёртвое тело встать передо мной. Ноги подкашивались, и я опустилась на колени. Зомби – увы, определённо двуногий – развернулся и растопырил руки.

Переведя дух, я, не активируя магию, мысленно повторила формулу экстренного успокоения: мертвяков оно вырубало на полчаса, зато выполнялось за пять секунд – если не психовать. Но теперь я с защитником, поводов для паники...

Лодыжку больно сжали. Меня грызли! Ботинки грызли: зомби прополз между ног моего мертвяка и укусил, я треснула жезлом – ЧВАК! Зомби извивался, подчинённый пошатнулся и грохнулся на меня.

Спину резанула боль, на грудь давило, я задыхалась, трепыхалась. Чавк-чавк-чавк – хлюпали шаги – и будто со всех сторон.

Мертвяка – на четвереньки, меня прикрыть, сама на четвереньки под ним – и синхронно ползком, ползком, ползком подальше от места, где нашумели. А жезл тяжёлый, ползти неудобно, и в зубы не взять. Под ладонью чавкнуло, и наконец – трава. Обочина! Я сползла на крутой скат насыпи, прикрылась зомби, его тошнотворным запахом разложения, и...

Шаги. Как-то слишком их много, не понять, куда целиться.

«Будь всё проклято», – я приподняла жезл и, заложив траекторию и мощность, запустила малюсенький световой шарик, тот зигзагами унёсся метров на семь в сторону и завис.

Мертвяков на дороге оказалось больше дюжины. Сглотнув, я уползла под свой труп.

Ээ... местные совсем одурели и не хоронят по правилам? У них внезапная эпидемия? Массовое убийство? Что за бардак тут творится?..

Массовое скопление зомби – хрестоматийная ситуация, с которой в мирное время сталкиваются единицы волшебников. Я смотрела на толпу и жалела, что

магию не инициировала.

Ох, как я жалела! Лежала, зажав нос, под трупом и Жалела. Сейчас я готова на все сопутствующие процессу неприятности, даже на повторный запрос и глумления из-за срыва первого раза (хотя моей вины в этом не было).

Холодный огонёк ещё светил, а мертвяки поглядывали по сторонам. Может, погасить его и перележать до утра? К запаху уже привыкаю, зомби разбредутся. Дилижанс вдруг появится, другие путники – помогут. А останется несколько зомби – мы с моим подчинённым быстренько их упокоим.

Хороший вариант, если бы не «но». Почему эти «но» всегда вылезают в хороших вариантах?

Большое и жирное «но»: а если зомби нападут на обычных людей?

Не то что бы я склонна к героизму, но в этом официально спокойном округе один штатный маг. По слухам здесь вообще с волшебниками туго: атмосфера им не нравится, флюиды всякие, только оборотни прижились, – в добровольно-принудительном порядке, – но их территория дальше.

Короче, бороться с мертвяками особо некому, и моя обязанность – их упокоить (а в дипломе в числе рекомендаций предложить вернуть в программу обучения массовые заклятия против зомби). Бездействие может обернуться смертями обывателей.

Действие – моей смертью, а бездействие – чужими.

Несколько зомби ушли во тьму, пять тёрлись у огонька. Остальные глядели по сторонам. Вскоре голод потянет их дальше.

А утром дети в школы пойдут, торговцы на рынок, пастухи животину выгонят. Физически упокоить – шею там свернуть, голову размозжить – теоретически любой может, но у скольких хватит силы? А если нападут со спины? Если не будет оружия? А необработанные убитые тоже подниматься начнут... и будет у нас локальная беда с нецензурным названием.

Я потёрла укушенный зад, вздохнула: «Ох, пожалею я об этом». И стала думать, как эту ораву побеждать.

Быстрое успокоение, увы, не вариант: с третьего раза подряд зомби меня почуют и, если память не изменяет, озвереют. Да, кажется, была сноска мелким шрифтом, что зомби буйствуют от эманаций магии успокоения и чувствуют испускающий их инструмент. Превращать жезл в манок как-то не хотелось.

А с третьего ли раза? И было ли в учебнике «подряд»? А?! С теорией у меня хуже, чем думала. Но работать без прикрытия мне ещё два года после завершения обучения не положено, так что...

С другой стороны: зомби здесь, и я здесь, и...

Оборотень выскочил из тьмы, полыхнули глаза. Он повёл огромным тёмным носом и, бренча цепью, скалясь, пошёл в мою сторону.

Зомби на мне подскочил, съехал вниз и ринулся в кусты. Тьфу! Тела попутала. Развернула мертвеца. Он карабкался по влажному склону, цеплялся за траву, а я...

Оборотень, блестя мокрой шерстью, расталкивал зомби. Тёмная машина надвигалась, а жезл казался неподъёмным, руки не слушались.

Мама...

Проклятое оцепенение: время растягивалось, невыносимо медленно монстр надвигался, мой зомби полз прикрывать, а я тянула жезл вверх: «Успокоить? Подчинить? Бежать?»

Клыкастая пасть рванулась на меня.

Заклятие успокоения чиркнуло голубоватой вспышкой, лапы врезались мне в грудь, лицо накрыло мокрой шерстью: мы кубарем покатались в канаву, сбили моего зомби.

Я подавилась криком. Мы влетели в колючий кустарник, мохнатая тяжесть придавила ноги, к счастью, моего мертвяка, не мои. Всё болело, в голове – звон.

Будь всё проклято!

С перепуга заклинание получилось мощным до визуального отображения, эманаций выше крыши. Только привязки зомби к моему жезлу не хватало для полного и всеобъемлющего счастья.

Зомби подходили к краю дороги, шумно скатывались по склону. Мой, освободившись, кинулся на них, а я... я, затушив волшебный огонёк наверху, выпуталась из веток и побежала от шума драки и хруста костей.

Удары сыпались на моего зомби, плечо кусали, кто-то душил. Кусты цеплялись шипами, я спотыкалась, падала, обдирала руки о ветки, коряги.

Сзади топали.

«Пусть это только кажется, пусть это шум крови в ушах, мои шаги», – я замерла: топот усиливался. Жезл стал манком? Или они на шум идут?

Моему зомби свернули шею, освобождая меня от двойственного восприятия реальности, и стало вдвое страшнее: теперь мертвяки пойдут за мной.

А если впереди тоже зомби? Может, лучше затаиться в кустах, но я безумно рвалась дальше. Глупая, глупая ведьма: дыхания не хватало, скоро усталость возьмёт своё... ох, ну впрямь глупая! Жезл я придавила к груди и, свободной рукой отдирая подол от чего-то колючего, прочла заклинание стойкости.

Стало легко и даже радостно, подол с треском поддался, я помчалась дальше. Эх, сейчас бы на высоту дороги и оттуда палить по лезущим ко мне мертвякам заклинаниями, только... Если полезу туда первая – зомби схватят за ноги, и прощай жизнь.

Споткнувшись, я рухнула в чавкнущую грязь. С другой стороны, если сейчас ногу сломаю, мне тоже не жить.

Время – жизнь. Поползла дальше, тяжеленный жезл вяз в грязи, платье прилипало. По щеке чиркнуло острое, я отклонила голову, и царапнуло по носу – куст! Проклятая колючая ветка перегородила канаву. Такими темпами я или что-нибудь сломаю, или глаз выколю, или... за ногу кто-то схватил.

Я метнулась под острые колючки, и пальцы сорвались с ботинка. Земля расползалась под ногами, кусты царапались, упруго отталкивали ветвями – приходилось забираться на скат.

От обиды наворачивались слёзы: я столько всего пережила, преодолела, обманула смерть, а теперь сдохну в овраге из-за зомби, этих пережитков тёмных времён? Нечестно!

Под ногой хрустнула ветка, я соскользнула и треснулась коленом о камень. Боль пронзила до крестца, я чуть не вскрикнула.

Глава 4. В которой выясняются страшные и важные вещи

Как это ни прискорбно, но спасение специалистов – дело самих специалистов. Старайтесь выбирать территорию работы по своим способностям.

Практическое руководство для будущих штатных ведьм.

Как тяжело без света! Закусив губу, я поковыляла дальше, кажется, кто-то хватал меня за обрывки подола, но я резко дёргалась, и этот кто-то – надеюсь, кусты – отпускал.

Спокойное место?! Да чтоб всем так думающим в такое же спокойное попасть! Споткнувшись, я рухнула наземь.

Встать!

Руки дрожали, ноги ослабли. Стиснув зубы, я поползла. Поднялась. Пошла. Скат слева по-прежнему был слишком крутой, вслепую, с зомби на хвосте, мне не влезть.

Что делать?

Сзади потянули за подол. Я развернулась и со всей силы ударила перед собой. Хрясь! Я била и била, почти не чувствуя летевших в лицо брызг, не слыша ударов, но обострённо ощущая, как жезл ломает кости. Хорошо, что он тяжёлый!

Меня словно подкосили, я упала коленями на что-то неровное, острое. Дыхание сбивалось, я хватала ртом воздух: «Беги. Ну же, вставай, беги!» Наконец собственное дыхание перестало оглушать. Сзади хлюпала земля.

Зомби шли на шум или на эманации магии упокоения? Затаиться или оставить жезл и бежать, пока озверевшие зомби его ломают?

Ноги не слушались. Я кусала губу, кусала. Солёный металлический вкус помог опомниться. Я с третьего раза поднялась и потрусила дальше. Притиснула к груди склизкий, в ошмётках плоти жезл и прошептала заклинание. Дыхание выровнялось, я почти побежала...

Споткнувшись, упала, и больно стало всё: руки, ноги. Кажется, я сплошной синяк. А позади плелись зомби, сволочи неуспокоенные, шеи бы им всем отвертела и тем, кто такой бардак допустил.

Только для мщения надо выжить. Впрочем, шеи откручивать можно и после смерти: из меня отличный гуль получится. Эх, если бы куратор...

Куратор!

Я подскочила. Его жезл! Скорее всего, он мощнее и удобней моего для боя и, вероятно, незапятнанный магией упокоения, иначе бы зомби вокруг него бесились. С двумя жезлами проще заклятия чередовать, а мой, если он и впрямь манок, выброшу.

Но как добраться до кураторского жезла? В темноте его не разглядеть, и хотя небо посветлело на горизонте, до рассвета ещё далеко.

О, да, свет!

Надо отправить световой шарик к ближайшему жезлу. Это привлечёт зомби. Не увидев добычи, они разбредутся. Или пока они пьются на свет, убегу в город: я явно не создана для геройств в одиночку.

Задав условия для магического огонька, я подняла жезл и мысленно твёрдо произнесла заклинание.

Свет вспыхнул, сверкнул в огромных волчьих глазах, озарил летевшую на меня пасть, я зажмурилась, вскидывая руку, но заклятья выскочили из головы. Удар по жезлу отдался в теле, огромная туша повалила меня на землю.

Оборотень – ещё один! – рычал, жезл выскочил из ушибленной ладони, я пыталась его нащупать. По виску ударило, и оборотень отскочил. Стало легче дышать, я открыла глаза: рыча, катаясь, прыгая, гигантский волк пытался вытряхнуть, выковырнуть жезл из пасти, но круглый набалдашник крепко сидел в челюстях.

Огонёк удалялся вслед за мечущимся оборотнем. И что разлеглась? Приподнявшись, поползла в кусты: если повезёт, зомби уйдут.

Зомби кидались на оборотня. Тянулись к морде – к жезлу. Он – манок! Я тихо-тихо заползала в густую и мокрую тень кустов, вода охватывала ноги. Неужели... повезло?

Свет летевшего вдоль дороги огонька выхватывал из темноты канавы головы, плечи. Тут не дюжина зомби, а минимум вдвое больше. И этого не может быть: мы не воюем, граница далеко, здесь не может внезапно и без предупреждения оказаться вражеская армия.

Но то, что это место давно считается спокойным, не значит, что здесь не объявится чокнутый некромастер или не случится моровое поветрие со скоропостижной смертностью.

Оборотень вертелся среди зомби – только бы в мою сторону не пошли. Его повалили, он перекувырнулся через спину и бросился на дорогу, рывками вскарабкался вверх и исчез за кромкой дороги.

Зомби ползли следом, соскальзывали, блестели от влаги, точно гигантские опарыши. Живые кряхтели бы, ругались, а так – шорох, треск. Мурашки ползли по спине. Зомби взбирались, наступая друг на друга, хватаясь зубами. Люди, которые больше не люди.

Я зажмурилась, но перед мысленным взором продолжалось чудовищное копошение.

Бессмысленно прятаться от кошмаров. Я подняла взгляд выше: огонёк застыл над дорогой. Жезл куратора близко, осталось дожидаться ухода зомби. Половина уже одолела склон. Надеюсь, оставшиеся мертвяки манок ещё чувят. И надеюсь, назад они вернутся нескоро. Только лучше не думать, что твари доберутся до людей.

Пора думать о собственном спасении, в конце концов, технически я выполнила долг. Студентка хорошего университета сделала бы больше, но подготовка в нашем оставляла желать лучшего, недаром он из слабейших в стране, а я, положив руку на сердце, не планировала лезть на передовую. И сейчас катастрофически не хватало навыков тактического планирования действий в критической ситуации. Ладно, у нас и не критические ситуации с точки зрения тактики не рассматривались.

Эти размышления успокаивали – отлично: разум должен быть чистым, действия – просчитанными.

Так ли необходим поход за новым жезлом? В своей луже я начинала мёрзнуть, скоро укрепляющее заклятие развеется, и меня, вероятно, потянет в сон. Останусь здесь – околею или стану лёгкой добычей после рассвета.

Можно уходить по полю, но в чистом поле и без оружия встретить зомби... я и с одним не справлюсь. Похоже, спонтанная идея обзавестись другим жезлом не так уж плоха. Жаль, мой не при мне.

Как же я вымоталась, зубы начинали постукивать. По склону ползли калечные зомби. Мысли соскальзывали на критику учебной программы и бессмысленные сожаления о том, чего я не выучила и к чему не подготовилась... Так, соберись: надо раздобыть жезл, всё остальное – несущественно.

Огонёк висел на прежнем месте, а есть там рядом кто или нет – снизу не видно. Последние три зомби вползали на дорогу, путь свободен.

Забираться им было трудно, значит, ползти по скату горизонтально безопаснее: снизу сложно до меня добраться, а с дороги не видно. Только склон мокрый, выступов нет, мои ботинки на гладкой подошве будут соскальзывать.

Разуваться? Брр! Но на востоке небо синело, а зомби, расправившись с жезлом, могут вернуться. Да что там, никто не мешает оборотню прибежать назад. Не до комфорта сейчас и не до опасений уколоть ногу или порезаться.

Совсем близко раздалась соловьиная трель. Отлично! Не хватало только, чтобы зомби за птичками прибежали.

Глава 5. О девочках в ночи

Ночь – самое опасное время. Большинство штатных специалистов погибают ночью, когда рядом нет ни одного живого существа.

Мемуары штатного мага.

Как же хотелось забиться в кусты и надеяться на спасение – кто бы знал! Но ситуация не располагала верить в лучшее. Или судьба наконец сжалится, и мне повезёт?

Ну, я на это надеялась и поползла вперёд. В туалет бы. Тёплый, с каменными стенами и дубовой дверью. Ни туалета, ни спасителя не наблюдалось, и я

ползла, цепляясь волосами за ветки. Соловьи предательски заливались, вызывая в душе тихую, но искреннюю ненависть.

Над кромкой дороги – никого. Хороший знак? Или судьба очередную гадость припасла? Узнать бы наверняка: меня загрызут в кустах или на дороге, или в любом случае и можно не напрягаться?

Лужа подо мной чавкнула и отпустила. Меня начинало лихорадить. Влево и вправо, теряясь в сумраке, тянулась канава, утыканная вымытыми из земли корнями, ветками. Как я вслепую через всё это пробралась целой и почти непокусанной?

Соловьиные трели заглушали все звуки. Сядешь разуться, а к тебе незаметно что-нибудь подползёт. А, ладно, попробую в ботинках залезть.

Дунул ветерок, потрепал волосы. Пахнуло гниющей плотью. Очень повышает настроение. Склон казался чёрным... Я подошла. Холодная влажная трава выскользнула из закованных пальцев, земля забивалась под ногти, мышцы дрожали и выли от напряжения. Ботинки ожидаемо съезжали, подол мешался.

Попробовала взобраться, и ещё раз, и даже продвинулась на метр по диагонали. Убийственно медленно, так меня только зомби-калека не отловит.

Переводя дыхание, оглядела канаву: тёмная, неясная. Маслянисто блестели листья раkitников, шуршали. И соловьи совсем близко. И ничего даже отдалённо годящегося на оружие под рукой. Как я могла так влипнуть?

Ну, да, практика. Очень познавательная: я прониклась правилами безопасности сильнее, чем всю учёбу.

Эх, будь что будет, я сделала несколько шагов по направлению к световому маяку. Кусты впереди дрогнули – сердце ухнуло в желудок.

Ветер? Припозднившийся зомби?

Я отступила на полшага. И что? Стоять тут на открытом месте может и не совсем верная смерть, но близко к этому. Так же как бег по канаве. Глубоко вздохнув, я

вцепилась в траву и поползла вверх.

Я должна достать жезл – без вариантов. Ботинки соскользнули, я скатилась на дно, громко поломав... кажется, чью-то отвалившуюся руку. Да будь оно всё не ладно! Дрожащими, едва гнувшимися пальцами задёрнула мокрые шнурки. Сердце колотилось в горле. Я двигалась чудовищно медленно, а кусты колыхались и шуршали, шуршали и колыхались, и наворачивались слёзы.

И сопли, куда же без них.

Шур-Шур. Продолжала драть осклизшие шнурки. Шур-Шур... А, плевать! Рванула вверх! Ногти ломались о камни и корешки, я соскальзывала, нечем было дышать. Выпуклость под ногой сплющилась, и я съехала в проклятущую канаву.

Шур-Шур-Шур.

Сожрут ведь.

Шур-Шур! Фьють-фьють-фьють! – заливались соловьи. Свежесть предрассветная, спокойная. И я одна в бескрайнем тёмном мире, птички поют мне похоронную песню. «Оплакивают», – я дёрнула шнурок. Он резко оборвался, я распутала завязки и сдёрнула ботинок. В кустах зашуршало громче. Не похоже на ветер, совсем не похоже. Может, хищник мелкий – так, для счастливого разнообразия?

Второй шнурок развязался быстро. Подскочив, я размахнулась и швырнула ботинки на дорогу.

«Ой!» – треснула по лбу: а если там зомби проходил?!

Ладно, глупость не зомби, получится – не поймает. Босой ползти легче, благо пальцы на ногах цепкие, ими и корешок зажать можно, и поглубже в размякшую землю протолкнуть. Руки онемели, как держали, не знаю, на страхе, наверное.

Внизу что-то выползло из-под кустов и неприятно поблёскивало при движении. И двигалось в мою сторону. А я ползла диагонально к свету: «Только бы полоса неудач кончилась!»

Пальцы саднило и колело, я соскальзывала, и сердце обмирало: там внизу потрескивало и чавкало, и я впивалась в траву и землю, один раз зубами за какой-то корешок горький придержалась. Но ползла, – будь эта практика проклята! – ползла.

Мышцы болели, но сдаваться на полпути глупо. Ещё глупее сдаваться, когда две трети пути проползла, даже если смерть в зубах зомби начинает казаться благом.

Прямо подо мной щёлкнуло. Я выдохнула и поползла дальше. Ну же, ещё чуть-чуть, ещё пара метров и...

Проклятые соловьи! Из-за них не слышно, что творится на дороге. Я определённо буду ненавидеть их и темноты бояться до конца, надеюсь, долгой жизни.

Подол дёрнули, я съехала на метр, с треском оторвалась ткань, и я рванулась вверх, приподнялась над пучками травы на обочине.

Волшебный огонёк ярко отражался в лужах, на светлевшем небе смутно вырисовывался остов обгорелой телеги. По другую сторону громоздился труп коня.

В луже под огоньком круглело навершие жезла.

Настоящий магический жезл.

Спасение!

И никого рядом. Даже если оборотень выскочит на дорогу, его пасть занята, а остальные зомби взбираются медленно – будь благословенны старые разграничители для задержания нечисти!

Я помчалась к жезлу, нырнула в лужу, схватила навершие размером с яблоко и...

Жезл был переломлен.

Изящное навершие отделено от рукояти. Холодный ужас пробрал до костей.

Всё не плохо, всё просто... кошмарно!

Жезл не сломался в битве: кто-то целенаправленно переломил его – сломал со скручиванием, разрушая кристалл в рукояти, на котором отпечатывалась вся применяемая волшебником магия, оставлялись сообщения.

Кто-то избавился от куратора, уничтожил его магические записи и пытался представить всё несчастным случаем.

И этот кто-то мог быть поблизости.

Стиснув холодное навершие – им можно колдовать – я огляделась: никого. Поднялась, не представляя, куда бежать: просто оглядывалась, и оглядывалась, и снова оглядывалась.

А потом увидела белокурую девочку лет семи в светлой сорочке с кружевом по подолу.

Семилетние девочки, конечно, бывают разными, но вряд ли они спокойно ходят ночью вне города в полном одиночестве. А эта шла.

Глава 6. В которой удача поворачивается другой стороной

Что бы ни случилось – старайтесь сохранять присутствие духа. Иногда это всё, что нам остаётся.

Мемуары штатного мага.

Я попятилась, волшебный огонёк потянулся за мной, его свет ярко отразился в глазах девочки, заиграл всеми цветами радуги.

О...

Всё ещё хуже: гуль. Умерла неинициированной... Надеюсь, она из волшебницы получилась, потому что гуль из ведьмы – это не уровень студентки, даже в преддверии диплома...

Мне резко подурнело: я же скрыла, что не инициировалась, никто не ожидает от меня превращения в гуля, иначе бы не отпустили без сопровождения, – у меня могло быть сопровождение! – если сейчас умру, пока высокоуровневые маги доберутся нас ликвидировать, мы с этой девочкой можем весь город вырезать.

Какой идиот не упокоил умершую – надеюсь – волшебницу? Кто её выпустил из города? Кто без присмотра оставил? Есть же чёткие правила...

Девочка шла на меня, многоцветный блеск её глаз пробирал до костей, я отступала всё быстрее и быстрее, хлюпали лужи.

«Не беги, только не беги, – умоляла я себя и заткнула рот ладонью. – И не кричи».

Хотелось кричать «Мама, ааа!» и улепётывать со всех ног. Нельзя. Только без резких движений.

Гуль.

Что говорили об их упокоении?

Теоретически, для работы с нежитью уровня гулей требовалось дополнительное обучение и лицензирование, но азы самообороны давали и нам. Так, что за азы?

Знания не выколачивались из памяти, подавленные диким желанием просто сбежать.

Взять себя в руки, срочно!

И получилось!

Вспомнила: огонь в борьбе с гулем нужен настоящий, температуры высокие и воздействие продолжительное. Так вот зачем здесь была бочка с маслом!

Молния на гулей не действует, парализующие заклятия тоже. Заморозка помогает ненадолго, но... вылетели из головы все морозящие заклинания, я чуть себя по голове не ударила от отчаяния. Да и хватит ли сил? Запасы магии без инициации восполнялись слишком медленно. Нога наткнулась на твёрдое, я взмахнула руками, пытаюсь сохранить равновесие, и повалилась на тело.

Стукнулась сильно, но боли не чувствовала, с каким-то оцепенением повернула голову: куратор. Веки конвульсивно дёргались. Ах, как было бы прекрасно, если бы он приходил в себя после обморока, но развороченная в мясо шея не оставляла сомнений – в зомби превращается. Ещё пара часов, и...

Конец мне. Я подняла взгляд: девочка торопливо шла ко мне, уже поднимала руки, и в свете отчётливо блестели кристаллические когти, удлинились.

Ещё можно гулю шею свернуть, но они сильнее людей, даже если обратился ребёнок. В учебнике приводили случай: грудной младенец-гуль перегрыз многоквартирный дом – тридцать две жертвы.

Хотела закрыть глаза, но веки не слушались. Гуль приближался, скаля клыки, я бессильно впивалась в навершие жезла с бороздками узора, и ни одно заклинание не приходило в голову... Подчинение? Подействует ли на гуля? Была бы инициированной, могло бы сработать, а так...

Над головой девочки блеснула пара глаз. Топот перекрыл соловьиные трели. Высветилась оскаленная морда с ученическим жезлом в зубах: оборотень мчался, не разбирая дороги.

Гуль обернулся, огромные лапы врезались в маленькую грудь, вдавили в дорогу, вся туша озверевшего зомби, на котором висело пять человеческих мертвяков, рухнула на гуля, громко хрустнули рёбра, вылезли по бокам кровавыми кинжалами. Не заметив преграды, оборотень бежал дальше – на меня. Я рванулась в сторону, перекатилась, ударившись локтем о камень.

Протопав мимо, оборотень развернулся, оскальзываясь на лужах, безумно сверкая округлившимися глазами. Остановился. Из растопыренной крупным наверху пасти капала тёмная жижа. А я... я лежала на дороге прямо под единственным источником света.

Утробное, захлёбывающееся рычание пробрало до мурашек, подняло волосы дыбом. Шерсть на холке оборотня тоже поднялась. Он смотрел на меня... я покосилась назад: раздавленный гуль слабо трепыхался, кристаллические когти вытягивались, на вывернутых рёбрах нарастал «хрусталь» новой плоти, но с такими повреждениями твари пока не до меня. А у оборотня зубы заняты. Вроде всё не так уж плохо?

Со спины оборотня свалились зомби и, хлюпая грязью, потянулись к морде, цеплялись за шкуру, обвисшую грязными сосульками. Оборотень потрянул головой, одному мертвяку рукоятью жезла пробило висок, тело дёрнулось и соскользнуло на землю. Со скрипом и мычанием зомби лезли на зверя. Он подскочил и повалил одного из них, проломил грудь.

Настоящая боевая машина. Пока оборотень высвобождал лапу из капкана грудной клетки, на жезле повисли двое мертвяков, оборотень поднялся на задние лапы, поднимая и напавших, человеческие ноги замолотили воздух, и волчья челюсть вывернулась. Рухнув на дорогу, зомби впились зубами в жезл, третий, безногий, подполз к ним, рвался ободранными руками к ненавистой магической сердцевине. Оборотень тыкался искалеченной мордой в извивавшиеся тела.

Всё это произошло за считанные секунды, и я по-прежнему полулежала на дороге, приоткрыв рот и сжимая потеплевшее наверху сломанного жезла.

Сзади хрустнула плоть, почти жалобно завыл гуль, наращенные когти крошились, тварь даже голову поднять не могла, и всё же пыталась снова и снова. Отвратительное зрелище, но как же оно притягивало взгляд! Невероятная борьба мёртвого за жизнь. С трудом я повернулась к остальным противникам: зомби играли в хозяина горы над моим жезлом. Вряд ли он рассчитан на такие испытания: проломится оболочка, сердцевина треснет, и я снова буду самым интересным объектом в обозримом пространстве. И с привязанным к жезлу куратора огоньком над макушкой.

Усилием воли я перегнала огонёк по другую сторону от бодавшихся зомби. Теперь, когда источник самого яркого света оказался в отдалении, небо казалось ещё более светлым. Ночь кончалась, а я всё ещё не в безопасности.

Решение пришло быстро, по накатанной дорожке, можно сказать. Крепче сжав остаток жезла, я поднялась на трясущихся ногах и пошла на зомби. Оборотень бился в них лбом, челюсть так и торчала чуть сбоку.

Подняв наверх, я поддержала его второй, тоже дрожавшей, немевшей от усталости и холода рукой и, следя за вертевшимся над телами оборотнем, прочитала заклинание подчинения. По башке врезали пыльным мешком, и в следующую секунду я поняла, что вывихнутая челюсть – это неудобно.

Зомби медленно – всё же четыре лапы неудобно с непривычки – приблизился. Огромная морда пахла кровью и мокрой псиной, его глазами я видела растрёпанную и грязную девушку, но не узнавала себя. Сунув наверх колючим обломком ручки в декольте, – шар неудобно потеснил груди, – я ухватила волка за челюсть и потянула, надеясь, что у него вывих, что удастся это поправить. Пальцы скользили по влажным клыкам, очень острым, гладким, большим. Мышцы натягивались, сумрачная боль отдавалась в моей челюсти, но я тянула, дёрнула.

«Да что б тебя!» – рванула сильнее, и челюсть со щелчком встала на место, прихлопнула пальцы. Я взвыла, стиснула зубы – и волчьи зубы сжались сильнее.

Вскрикнула – и волк раскрыл пасть. Пальцы болели чудовищно, я плюхнулась в грязь, зажимая их под мышками, раскачиваясь, кусая губу. Сердце заходило от резкой, оглушающей боли. А потом пришла ярость: дикая, под стать оборотню. Он рванулся на мертвяков. Захрустели кости, трещала плоть. На миг я потерялась в этих ощущениях, в тошнотворном вкусе гниющего мяса...

К гулю оборотень подходил осторожно. Меня мутило и трясло, я не хотела впиваться даже чужими зубами в ребёнка, но не справилась бы с недобитым гулем магией: он мог стремительно нарастить когти и проткнуть меня.

Ветер трепал светлые пряди девочки – мягкие, нежные даже на вид, а рядом царапали землю чудовищные когти: тварь пыталась уползти. Оборотень обхватил тонкую шею зубами – под ними затвердевала хрустальная броня, я

стиснула зубы – и скрипнул надломленный позвоночник, смялся. Сдерживая рвотные позывы, я, не глядя, приблизилась на несколько шагов и, трясясь, прочитала очищающее заклинание.

На ослабленного паразита подействовало. Раздавленная, переломанная девочка лежала неподвижно, точно разбитая кукла. Ветер разносил хрусталики осыпавшихся частей гуля, ласково трепал волосы и кружево сорочки...

Хлынули слёзы, я отвернулась. Их соль очищала рот от других вкусов, ещё бы не думать о родных девочки, о матери – матери так страшно кричат над мёртвыми детьми.

Читая заклинание упокоения над куратором, я покачнулась и последние слова шептала, стоя на ушибленных коленях. Магия заканчивалась, физические силы тоже. Оборотень застыл рядом, на его грязной шкуре блестели розоватые отсветы восходящего солнца.

А где-то рядом носилась ватага зомби...

Страх не было, только усталость. Подняла взгляд на оборотня: челюсть работала не слишком хорошо, но сейчас он – мой лучший инструмент. Им я стащила трупы к сгоревшей телеге, организовав «нору».

Отодрав от подъябника несколько полос, сделала петлю с моим жезлом-манком и закрепила на шее оборотня.

Край неба основательно покраснел, и мрачная, почти таинственная в темноте дорога выглядела теперь до странности обыденно. В луже валялась сумка с клеймом штатного мага: переплетающиеся белый, красный, голубой и зелёный кольца с золотым по центру – похоже на цветок с четырьмя лепестками. Подхватив объёмную сумку, я заползла в огороженное трупами убежище под обугленным остовом телеги и, закрыв глаза, отправила оборотня вылавливать зомби.

Прижатый к груди обломок чужого жезла грел бодрящим заклинанием, пока моё оружие приманивало зомби к прочёсывавшему поле и ракитники оборотню.

До чего же это странно – быть мёртвым волком. Четыре лапы. Хвост. Обоняние всё ещё более острое, чем у людей. Я почти понимала любителей управлять животными – бегать, летать, растворяться в звериных чувствах...

Накатывала дрёма. Закусив губу, я заставила себя сесть. В нынешнем состоянии можно и с бодрящим заклинанием уснуть, тогда оборотень освободится.

Мышцы коченели. Искусанные, ободранные пальцы саднили. Опустив кругляш наверх в истрёпанный подол, я надавила на раны – боль вспышками пронзала до запястий, наворачивались слёзы, но я снова и снова нажимала на ранки, изгоняя остатки сна.

Стебли пшеницы путались в лапах, цеплялись за шерсть.

Оборотень попался сильный. Кто или что его убило? А второго? Почему не похоронены, как положено? Очередная загадка.

До города доехать не успела, а место это уже не нравилось – слишком загадочное.

Оборотень трусил дальше, приюхиваясь к влажному, с запахом грозы воздуху. У мёртвых свои достоинства: они не устают, тёмная энергия свободно циркулирует по телам, давая преимущества перед живыми. А меня тянуло прилечь. Закрыть глаза хоть на мгновение. Прижав наверх к груди, я снова прошептала бодрящее заклинание, но оно едва подействовало.

Похоже, я приближалась к пределу, пора бежать в город, только... а если оставшиеся зомби кого-нибудь убьют?

Ещё одну девочку, например. Или мальчика. Чьего-нибудь папу. Маму.

Мой оборотень хорошо с мертвяками разбирался, я уже здесь, и у нас манок, надо потерпеть, выдержать ещё часик, чтобы качественно прочесать окрестности, выловить нечисть.

А там и мимо кто-нибудь проедет: с ферм в город продукты повезут, дилижанс, почтовая карета... Штатного мага хватиться должны, в конце концов. Надо

исполнить долг до конца – я же без пяти минут специалист.

Преисполненная благих намерений, я решительно стиснула обломок жезла, приободрилась.

А в следующий миг похолодела: «Только бы желание сделать лучше не кончилось... как обычно».

Глава 7. О желаниях

Иногда нас одолевают противоречивые желания: убежать или принять бой, закрыть глаза на творящееся или сделать всё возможное, чтобы этому помешать. Выбирая, помните: вы отвечаете не только перед совестью, но и перед законом. И если с первой можете договориться, то второй от вас так просто не отстанет.

Записки боевой ведьмы.

Самое страшное при порабощении существа – потерять контроль. В моём случае, – когда рядом могут оказаться ещё зомби, я одна, беззащитна, и всё странно, – это опасно вдвойне. Лёжа под телегой и глядя на выгоревшие прорехи, я задавалась вопросом: «Что я здесь делаю?»

Конечно, буквальный ответ я знала: лежала и управляла оборотнем. Последние искры боевого ажиотажа угасли, и я дрожала: холод земли пробирался сквозь мокрую одежду и кусал ягодицы, спину. Колени стукались друг о друга.

И зачем легла? Так же можно уснуть! Кряхтя, села, неудобно склонив голову под обугленными досками; их резкий дымный запах тошнотворно смешивался со сладковатым запахом разложения.

Горело холодное пламя восхода, капельки росы на придорожной траве и крупе мёртвой лошади сверкали рубинами, словно корона Его Высочества. Злые языки говорили, что рубины на короне похожи на кровь, но кровь даже отдалённо не была так красива, как алые камни: она темнела на лошадиной шкуре и земле уродливыми пятнами...

Мысли – о короне, переломленном жезле, врагах куратора, дипломе, зомби, гуле, маме девочки, зомби, грандиозном докладе в институт об этом всём – путались, оборотень мчался по мокрой траве. Остановился. Связь с ним рассыпалась. Мышцы сводило судорогами, сладковатый трупный запах удушал.

«Я смогу», – всеми силами сосредоточилась на подчинённом: перед носом дрожали красные от света узкие листья ракитника, шею стягивал самодельный ошейник.

«Просто уйти... я могу вернуться в город, – я крепче обхватила сломанный жезл. Тёплый шар, эту овеществлённую магию в серебре оболочки, хотелось не только прижать – вдавить в грудь, спрятать у самого сердца источник тепла и покоя. – Я могу вернуться в город. Имею на это право...»

Но не успев даже приподняться, задумалась о последствиях: на большом расстоянии оборотнем управлять не смогу, и что тогда? Что, если зомби ещё остались, если они кого-нибудь убьют? Что, если из-за моего нежелания помёрзнуть лишний час кто-нибудь лишится родителя, ребёнка?

Я с трудом удержалась от взгляда на девочку с проломленной грудью.

Дело даже не в предусмотренной законом ответственности за неисполнения долга, а в том, что ни час, ни два, ни десять часов в плохих условиях не стоят человеческой жизни.

И я осталась. Будь что будет!

Удар головой в грудь откинул меня на пару шагов, и пока я путалась в лапах, зомби схватил жезл. Говорили, ученические жезлы такие большие и грубые, чтобы всякие идиоты их случайно не поломали. Зомби кусал и стискивал

навершие, но жезл держался, держался и ошейник из ткани, впивался в шею – моё горло взрывалось болью, и дыхание стало хриплым, я цеплялась за жезл штатного мага, его побитое навершие в мелких вмятинах по выпуклостям узора. Я пятилась, пыталась повалить зомби, задыхаясь от ярости, от ненависти к душившей меня ткани.

«Рвись уже!» – я подалась назад – и сама, и оборотнем. Мёртвые пальцы соскользнули с жезла, и я отбежала на несколько шагов. «Спокойно, меня не душили, это было иллюзией». Как же! Тело верило ощущениям!

Зомби помчался за оборотнем. Э нет, второй раз не выйдет! Пружинисто подпрыгнув, я приземлилась на широкие плечи и вдавила человека в землю. По носу хлестнули стебли, зубы сомкнулись на шее у основания черепа. Почти свежая кровь обожгла металлическим вкусом – ощущения становились явственнее, как обычно при затяжном порабощении. Зачем мне ещё и это? Мало ли что придётся грызть и как оборотня покалечат.

К горлу подкатывала тошнота, но я поволокла труп к кудрявым ракитовым кустам у дороги. Никогда ещё работа штатной ведьмой не казалась настолько омерзительной. Я на такое не подписывалась!

Отплёвываясь, я крепче впивалась в навершие кураторского жезла. Обломок рукояти кольнул запястье.

Кто уничтожил записывающий кристалл?

Мог это сделать сам куратор? Например, чтобы скрыть использование запрещённой магии? Или обезумев? Я бы предпочла какой-нибудь такой незатейливый вариант, не предполагающий наличия поблизости потенциального врага, кроме зомби.

Но было премерзкое ощущение, что незатейливым вариантом тут не пахнет. Я подняла взгляд на багрово-красную полосу восхода: словно чей-то угрюмый глаз взирал на меня с неба. По замёрзшей спине побежали мурашки, ощущение чужого тяжёлого взгляда было таким сильным, что я огляделась поверх окружавших меня тел: пустая, сумрачно-красная дорога, поля. Оборотень тоже оглядывался, его били колосья, меня – дрожь, и он тоже дрожал.

Это нервы расшалились? Или за мной действительно наблюдали?

Не выдержав, я побежала оборотнем к себе. Огромными прыжками он мчался по полю, жезл глухо ударялся о грудь, всё кругом казалось розовым, красным, странным, в каждой тени мерещился враг.

«Успокойся», – я тряслась, ощущения сразу в двух телах давили на измученное сознание. Зачем я здесь? Надо убегать, прятаться!

Кто-то чужой смотрит на меня...

Прятаться!

Кто-то страшный приближается...

Бежать-бежать-бежать, немедленно!

Дыхание перехватило, я рванулась бежать – БАМ! боль пронзила макушку – и припала к земле. Дыхание оглушало – рваное, шумное, будто чужое. Навершие жезла давило на грудь. Ощущение приближения чего-то ужасного исчезло, мысли прояснились: пока не шевелюсь – меня не видно, и самый свежий зомби-оборотень не учует меня за трупным смрадом. Для этого ведь я и сделала убежище – прятаться. Всё относительно в порядке.

Под прикрытием трупов я спрятана надёжно. Трупы... В сумраке было спокойнее: удавалась о них не задумываться – насколько позволял запах. С каждой минутой они просматривались всё отчётливее. Трое лежали ко мне лицами, выпучив мутные, застывшие глаза... Не из-за этого ли возникло ощущение, что за мной наблюдают?

Не королева ли мёртвых смотрит через блеклые зрачки этих глаз?

Сердце ёкнуло. Передёрнувшись, я потянулась к окровавленному лицу с рассечённой губой: в прорезе выглядывали зубы, и казалось, мёртвый примеряется укусить. Мои побелевшие от холода и ужаса пальцы – исцарапанные, с чёрными лунками под ногтями и красными припухлостями вокруг укусов – дрогнули, но я качнулась вперёд, потянула сухие безжизненные

веки – так странно было чувствовать почти щекотное прикосновение ресниц. Правый глаз закрылся сразу, левый пришлось потянуть дважды, прежде чем веко разгладилось. Я отдёрнула руку. Мёртвый лежал неподвижно.

«Он упокоен, больше не оживёт».

Шлёп-шлёп-шлёп! – глухой топот нарастал. Я взглянула поверх тел: на меня бежал оборотень. Морда, грудь, жезл, лапы были в тёмной крови – спрятаться хотелось до дрожи. Волк, резко затормозив, кувыркнулся через холку – весь мой мир кувыркнулся – и, неловко поднявшись, потрусил прочь.

– Ох... – волна истеричного веселья всколыхнулась в груди теплом, и я захихикала: так смешно – сама от себя убегаю, сломя голову. – Ха-ха-ха!!!

Зажав рот ладонями, я смеялась, сломанный жезл подпрыгивал на подоле от каждого дёрганья ногами. В холодной утренней тишине смех звенел и разливался по полям, уносясь далеко-далеко. Отличный способ привлечь зомби!

Смех прекратился столь же резко – пересох вместе с горлом, я слабо пошевелила губами, сквозь навернувшиеся слёзы почти не видя валявшегося на земле оборотня. Слава хранителям стихий, контроль я сохранила. Почти чудо. Щекам было холодно от слёз.

Я закрыла глаза двум «смотревшим» на меня мужчинам и вздохнула.

Уходить можно? Или подождать? Ситуация, мягко говоря, не штатная, инструкция касалась обычных случаев: если вы знаете, что на некой территории находится или может находиться зомби, вы обязаны немедленно обследовать территорию и сделать всё возможное для его скорейшей ликвидации. Как-то так.

А ведь я спрашивала нашего похожего на сову профессора, что делать с несколькими зомби. Он ответил: «Они разбредутся, и вы справитесь по одному». Я уточнила: «А если будет толпа?» Как чувствовала. Надев пенсне, дорогой профессор авторитетно заявил: «Такого не может быть, вы же не на войну собираетесь, а работать штатными магами в центральных районах. С нашими дипломами в действительно опасное место не возьмут. Смиритесь: не будет у вас приключений. Не будет ужасных случаев. Не будет неординарщины.

Обычная рутинная работа. Успокойтесь и не мешайте учебному процессу». Да я и не возражала против обычной рутинной работы, только необычная на меня свалилась сама.

Надо будет всё же попросить расширить инструкцию и на экстренные случаи, а то привыкли жить спокойно, забыли о катаклизмах, временах сошествия богов, свободе стихий, и думают, что с ними ничего серьезнее паразита или обмена проклятьями между соседями не случится. Наивные!

Я тоже наивная: думала, в этом дивно спокойном месте будет спокойно, даже жезл в рюкзаке несла. Идиотка! Забыла, что всегда надо быть готовым к худшему.

Огонь раздражения взбодрил, я взялась за сумку штатного мага и, наплевав на то, что это почти мародёрство, открыла. Внутри по ячейкам торчали бутылки и склянки с мазями и реагентами, тетрадь в кожаной оплётке и что-то замотанное в белую ткань, довольно мягкое.

Отложив тетрадь и свёрток, я перечитала этикетки на флаконах: среди них, к счастью, был дезинфицирующий состав и заживляющий. На радостях я чуть не прослезилась, ноющие пальцы соскальзывали с гранёного колпачка, я с трудом выкрутила его из тёмного горлышка. В нос ударил резкий, щиплющий запах. Кашлянув, я вытянула руки и быстро полила состав на раны. Кровь вспенилась, выглядело это жутко, но было совсем не больно – лишь щекотно. Подтянув юбку, полила на чёрные от грязи стопы, раствор и на них вспенился. Выше задрала подол: ссаднёные колени, синяки и кровоподтёки, укусы на икрах. Надо же, как меня потрепало, даже не заметила. Бутылочка с раствором показалась непростительно маленькой.

Переведя дыхание, немного успокоившись, я использовала состав аккуратнее. Остатками с колпачка протёрла место укуса на ягодице. Кажется, там был только синяк, но после обработки стало спокойнее.

Когда открывала цыплёночно-жёлтую мазь, рассветная лиловость переходила в синеву. Ээ... почему штатного мага не искали? Где помощь? Ладно, ночью, но уже достаточно светло, после высадки из дилижанса я много прошла, не может быть, чтобы до города было настолько далеко, что с первых лучей солнца сюда не доехали бы всадники.

Или стража не знала, где искать мага?

Исподлобья глянула на решётку из обгоревших досок телеги, останки бочки с маслом: похоже, маг готовился к работе с гулем – привёз источник для настоящего огня, а в одной из пробирок был горючий порошок. Или телега с маслом удачно подвернулась на дороге?

Что на самом деле здесь произошло?

Я опустила взгляд на побитый кураторский жезл. Какие тайны уничтожило скрученное переламывание? Что мог скрывать штатный маг тихого – до этого момента – округа?

Мотнув головой, я окунула пальцы в яркую жёлтую мазь. Она холодила раны, по коже волнами прокатывались мурашки, но покраснения бледнели на глазах. Отличная варка! Откуда такое качественное зелье в Холенхайме? Я вопросительно взглянула на обтянутое чёрным форменным сюртуком плечо куратора, но он, конечно, уже не мог ответить на вопрос.

Истрёпанная одежда и синюшная кожа мертвецов покрылись росой. Переломанные, изгрызенные, в запёкшейся крови тела напоминали приготовленные к выбросу игрушки капризного ребёнка. Никогда не видела столько трупов сразу, и, наверное, от непривычности зрелища сердце щемила надежда, что это только сон...

Наклонившись, ткнула пальцем в рваную рану на предплечье одного из мужчин – влажная, холодная. Надежда на сон испарилась, я вытерла кровь о рубаху мертвеца.

Грубовато, конечно, телами распорядилась, надеюсь, родственники меня камнями не забьют. Стараясь не думать о подобном исходе, – ужасов и так хватало, – я намазала самые глубокие раны вторым слоем жёлтой мази. Принюхалась зомби-волком, огляделась: никого. Взялась за обёрнутый тканью кулёк, развернула – и едва сдержала визг.

Глава 8. В которой раскрывается причина несчастий

Брать зомби под контроль – не слишком хорошая идея. Но если иного выбора нет, постарайтесь, чтобы подчинённый оставался таким до конца. Освободившийся зомби в десять раз агрессивнее обычного, и у него к вам личные счёты.

Из учебника по тактике для первокурсников.

В заначке куратора оказался кусок мягчайшего пирога с корицей. Сначала я чуть не завизжала от радости, потом чуть не зарыдала от горя: кусок моментально закончился, а голод остался. С тряпицы я подобрала губами все до последней крошки и ещё минуту вдыхала аромат корицы, пока сладковатая вонь разложения не перебила этот запах окончательно.

Кажется, я ещё долго не смогу есть ничего мясного.

Взгляд упал на лежавшую на сумке тёмную тетрадь и утонул в переплетении узких кожаных полосок обложки, скользил по завиткам и перекрестиям, обходил узлы и снова тонул в спиральных плетениях. Моргнув, я взяла тетрадь – тяжелее, чем предполагал небольшой размер – и раскрыла. Страницы были почти чёрными из-за мелких, плотно лепившихся друг к другу рисунков, схем, надписей и пятен зачёркиваний. Встречались знакомые буквы или магические значки, обрывки алхимических формул, но в целом это напоминало записи безумца. Мурашки ползли по спине, и внутри становилось нехорошо от лихорадочного переплетения чернильных линий. Больше для порядка я пролистала тетрадь до конца.

На последней странице поверх мелких рисунков было выведено толстыми линиями, будто кистью или пальцем: «Она идёт». Границы неровных, глухо чёрных букв дрогнули, расширились и сжались, расширились и сжались, точно дышали. Потянулись к сознанию невнятным шёпотом... «Зачарованная!» – я захлопнула тетрадь, сунула в сумку и потёрла переносицу. В голове слегка звенело. Не знаю, в чём суть наложенного на последнюю страницу заклинания, но, надеюсь, на меня оно не подействовало.

Только кто идёт? Кто эта «она»? Меня окружали тела недавних зомби, и первой мыслью было: «Королева мёртвых». Но она, спасибо хранителям стихий, не могла войти в наш мир, так что ответ не подходил. Кто ещё? Гуль? Иная крупная нечисть? Считалось, что в Холенхайме крупной нечисти не водится, но также считалось, что работа здесь лёгкая и безопасная, а штатного мага вдруг зомби загрызли. Не зная куратора и его окружения, я не могла предположить иных расшифровок таинственной «она». Да и нужно ли это сейчас?

Ветер шуршал длинными листьями раки, то и дело вздыбливал их серебристыми сторонами, они тревожно мерцали в лёгком утреннем сумраке. Ночного неба осталась лишь узкая полоса на западе.

Я выползла из-под телеги, вытянулась, расправляя затёкшие плечи, спину. Повернулась к трупам: они предстали во всём ужасе страшных ран. М-да, похоже, причину смерти так просто не определить. И всё же я обошла их, внимательно разглядывая укусы, подтёки тёмной крови, переломы, царапины: могли быть жертвами гуля или обычного зомби. Могли и от болезни умереть – внутренности противно сжались.

Что, если моровое поветрие? Их давно не было, но в исторических хрониках упоминались болезни, убивавшие за несколько дней, даже часов. Впрочем, здесь, почти на границе с пустыми землями, неоткуда внезапно появиться заразе.

Зато могла подвести слабая, как во всех сельских зонах, система оповещения о нечисти: возможно, девочка убежала из дома и... как-нибудь случайно умерла... утонула, например, и тёмная энергия превратила труп в гуля, он наткнулся на выселок – вот и стадо зомби.

Или девочка ехала куда-нибудь, телега или карета перевернулись и...

Нет, не сходилось: она была в сорочке. К тому же за неиницированными ведьмами и магами внимательно следят из-за посмертного превращения в гулей, так что пропавшего ребёнка с магическими способностями искали бы всем городом. Или решили, что обойдётся? Обычная халатность?

От размышлений голова тяжелела. Лечь бы, закрыть глаза на минуту... я мелко дрожала от холода, солнце совсем не грело. Это из-за мокрого платья. Надо

было переодеться, но... ох, от одной мысли об этом руки опускались и ноги подкашивались.

На горизонте показались то ли облака, то ли стая облачных зверей. Я снова огляделась: в обозримом пространстве не было ни единого зомби, кроме оборотня. Зубы тихо стучали, челюсти сводило, а сладенький пирог казался брошенным в желудок камнем.

По дороге, насколько хватало взгляда, никто не ехал и не шёл. Чемоданы и вещи из рюкзака валялись в грязи. На горизонте разрастались тёмные пятна туч, мигнули вспышкой. Через минуту сурово грохотнуло.

Гроза. Ну отлично. Только её не хватало.

Зомби-оборотень безразлично смотрел на меня, я видела себя его глазами: трясущаяся оборванка. В таком виде только милостыню просить. Засмотревшись на себя, я не сразу заметила движение сбоку: на дорогу выползла темноволосая женщина. Изуродованное укусами лицо было обращено к оборотню, она поползла, вытягивая со склона тело и обглоданные культы ног.

Кусок пирога подступил комом к горлу, но я не могла отвести взгляд от мёртвой женщины, в разбитых зубах которой торчал кусок моего подола. Так вот кто меня тянул вниз.

- Хее, сс, хее, - шумела зомби, впиваясь потемневшими пальцами в землю, ползя к волку мимо моих ботинок.

Я закрыла лицо руками, но глазами волка видела, как приближается грязная голова с запутанными в волосах ветками и листьями ракиты. Клыки сомкнулись на шее, тянули, тянули, а женщина дёргалась, била по лапам, тянула за жезл.

Чудовищный хруст - и руки женщины медленно опустились.

Страшно грохотнуло на небе, череда раскатов потрянула воздух, ветер ударил меня так, что я отступила на пару шагов и задрожала сильнее.

Пора заканчивать. Я, конечно, почти специалист, но всему есть предел. Слёзы защипали глаза, но я, стиснув зубы, посмотрела на дорогу к Холенхайму. Ветер бил в лицо, драл волосы и лохмотья подола, небо стремительно, будто по волшебству, затягивалось тучами.

Самой надо добираться, а не надеяться на всяких мимо проезжающих. Но ноги гудели, слабость тянула мышцы, шептала: «Отдохни, всего пару минут отдохни, приляг». Мутило, и виски начинало ломить от перенапряжения. Да, вряд ли я в таком состоянии дойду. Подняла взгляд: оборотень неподвижно стоял над изгрызенной женщиной.

Хребет оборотня премерзко вдавливался в промежность при каждом шаге, шкура была слишком короткая, чтобы надёжно держаться, пальцы быстро заоченели, а верёвка из лоскутов подола, на которой держались свешенные по бокам чемоданы, натирала волку поясницу, и я слишком хорошо это чувствовала. Навершие кураторского жезла, прицепленное на тряпичную петлю, и мой собственный жезл оттягивали вытасченный из грязи пояс костюма штатной ведьмы – я прямо во всеоружии.

От усталости мутило, заклинание подчинения давило на макушку и вгрызалось болью в виски – казалось, вот-вот сорвётся, и оборотень меня убьёт. Оправдан ли такой риск? Не знаю, но идти труднее, чем управлять, отправившись пешком я рисковала упасть от усталости, и это могло плохо кончиться. В давящей полудрёме чудилось, что и с оборотня свалюсь, и я боялась... да нет, уже не боялась: сил не осталось.

Небо потемнело, вспышки молний слепили глаза, на секунды превращая мир в океан холодного света. Шуршания первых капель я не услышала, осознала дождь, когда по лицу и рукам потекло. Текло всё сильнее и сильнее. Ещё один ливень.

Да, преддипломная практика не задалась. Начиная с распределения... Правильно говорила Дора: с деканом факультета огня господином Марли лучше не связываться – пожалею. Но я верила, что в случае провала уважение к любознательности (он же сам говорил, что хуже пассивности студентов ничего нет!) перевесит... кхм, клептоманскую форму проявления оной. Нет, не оценил Марли мою «жажду знаний»: бледное лицо аж перекосило, по тёмным волосам

побежали огненные искры – думала, спалит меня до горстки пепла, но, наверное, спасло то, что мы были среди книг... и случайно уроненный на него шкаф, благодаря которому я сбежала.

Потом надеялась, что полные слёз большие голубые глаза, выражение крайней степени раскаяния на хорошеньком личике, глубокое декольте и обещание исправиться смягчат грозного мага. Ну не знала я, что он не девушками интересуется! И что слёз не выносит, тоже не знала.

И следовало догадаться, что Марли захочет избавить своего студента-огневика от позорного места практики, куда тот, юноша талантливый, должен был попасть из-за активных симпатий к дочери ректора. Да, Холенхайм – самый ужасный округ для практики: нечисть мелкая, дел много, одни клещи чего стоят, черта осёдлости восточных оборотней, лаборатории нет, библиотеки толковой нет, дворяне провинциальные – связей полезных, тем паче придворных, не заведёшь, штатный маг один, и тот ленивый и чокнутый, от него все практиканты выли.

Для огненных получить Холенхайм в свой список – позор втройне, так что в обмен на молчание Марли о моём... неправомерном «любопытстве» пришлось выбрать эту глушь.

Ну да, вызвалась сама (не только ректор, даже желчный секретарь комиссии осведомился, правильно ли я назвала место, но Марли так смотрел, так смотрел, что отказаться было невозможно), чем убила зачатки своего не слишком высокого авторитета. Никто не стеснялся крутить пальцем у виска, а декан нашего, ведьминского... Не обрадовалась она, да. Обычно ей удавалось обойтись без Холенхайма в списках, так что мне было высказано... замечание. И она так смотрела, так смотрела своими печальными собачьими глазами, что не пожалеть её было невозможно... И теперь я вроде как должна мучиться угрызениями совести за то, что нашу милую мадам Хон коллеги на смех поднимали. Хотя традицию считать это место позорным завела не я.

В общем, отправляясь на практику, я была рада возможности передохнуть от насмешек. Набила чемодан книгами, успокоила себя, что отсутствие в округе штатных ведьм не повод для паники, сама разберусь, а если что, вымолю у мадам Хон необходимые разъяснения. Да и штатный маг – вдруг повезёт? – окажется компетентным в ведьмовской сфере. Набила второй чемодан – тот, что побольше – платьями, положила сверху новенькую фиолетово-чёрную униформу

с жёлтой, как положено ведьмам, оторочкой по вырезу блузы, сапожки новые в рюкзак упаковала вместе с рабочим набором, шляпку парадную в коробку у Доры одолженную погрузила, взглянула напоследок на суровый особняк с пятью флигелями и отправилась на вокзал.

Первая половина пути, та, что на поезде, была ничего. Третий класс, сумрачный вагон для курящих – на образование тратится непозволительно мало денег! Своих денег купить билет дороже не было, и я изнывала от жары, духоты и попыток приткнуться на меня очередной баул. И от заигрываний всяких я тоже немного страдала.

А потом была, как я тогда полагала, жесьть: при выходе с шумного и переполненного вокзала увели кошелёк. Магией я его нашла в подворотне, но денег и след простыл. К счастью, пара – ну почему только пара?! – монет была припрятана в панталонах.

Хватило этих монет купить билет только на две трети пути. Следующая проблема не заставила себя долго ждать: дилижанс отправлялся через четыре часа, и перекусить было нечем и не на что. Время я переждала на лавочке в милом сквере, отворачиваясь от жевавших бутерброды рабочих с соседней стройки нового двухэтажного вокзала.

Ещё одной... проблемой стала карета дилижанса: без рессор. С жёсткими сидениями. Это как в телеге трястись. И далеко. А кучер оказался принципиальным или бессердечным, или тоже любил не девушек – высадил ровно на том месте, до которого оплачено. Даже чемоданы отказался докинуть под честное слово – сгрузил на пыльную обочину. Взглянув на теряющуюся за горизонтом линию тракта, я оцепенела. И забыла шляпку!

Взвизгнул кнут, и большая тёмная карета покатила дальше, поскрипывая болтавшимися на задних крючках фонарями. Слева и справа расстилались лоскуты полей разного оттенка зелёного, кое-где прорезанные бежевыми полосами вспомогательных дорог. По бокам разделительного вала, на гребне которого тянулся этот древний тракт, шуршали густые заросли ракиты и шумно стрекотали цикады. Тени были по-вечернему резкими, а свет слишком жёлтым – контраст ослеплял.

Дилижанс стал размером с яблоко, и по спине от жары заструился пот.

Дилижанс стал размером с ноготь, а я ещё не могла поверить, что это происходит со мной.

Дилижанс растворился в голубоватой дымке горизонта, только тогда я взялась за полированные ручки чемоданов.

Сначала идти получалось вполне бодро. Ну, первые пятнадцать минут точно. Потом как-то не очень. Я отмеряла расстояния по участкам полей с разными посевами, других ориентиров не было, настолько всё вокруг однообразно.

Единственными существами помимо меня в этом кошмарном месте были облачные звери: они скользили по небу вместе с островами пышных крутобоких облаков, заметные только по белёсым и красным лентам свисавших до земли лап – зрелище, достойное любования, если бы не ситуация.

Долго и упорно я волокла чемоданы, проклиная неподъёмные книги, нелепые надежды, свою неудачу, людей, которые не хотели проехать по этой проклятой дороге. Дождь. Себя за то, что не интересовалась бытовыми заклятиями. Ливень. Град я уже называла совсем неприличными словами.

Но я тащилась дальше в надежде на тёплый приём, чашку чая и сладкий пирог – с чего бы такая наивность? не пойму – и с ещё большей надеждой переночевать не в поле.

Увы, в последних лучах солнца я видела только покрасневшие поля, перелески, ракиты с терновником вдоль тракта – и ни единого признака жилья. Небо нависало надо мной кроваво-фиолетовыми тучами. Потом стемнело.

А потом я увидела свет и побежала к нему.

И поняла, что свет во тьме – это не всегда хорошо.

Пережила это – самой не верится. Да за такую ночь мне следовало преддипломную практику засчитать! И диплом выдать!

Таковыми мыслями я, залитая и оглушённая ливнем, старательно себя подбадривала, вздрагивая от ударов молний и грохота, впиваясь окоченевшими

руками в шкуру оборотня, изнывая от боли в промежности.

За серой стеной воды едва различалась дорога. Сколько проехала? Сколько осталось? Может, возле дороги был дом или укрытие, а я не заметила. Может Холенхайм совсем рядом, буквально в двух шагах, а я не вижу.

Может... голова клонилась к груди, мокрые волосы загораживали обзор, меня обволакивала тьма...

Глава 9. О явлении ангела

Первое впечатление остаётся навсегда. Что бы и как бы потом ни делалось, это пресловутое первое впечатление исподволь и явно влияет. Помните об этом, когда оцениваете кого-то. Помните об этом, когда появляетесь в новом месте и знакомитесь с новыми людьми.

Записки боевой ведьмы.

Заставила себя выпрямиться. Сильный дождь затекал в глаза, и чтобы держать их открытыми приходилось склонять голову, а со склонённой головой сильнее хотелось спать и, снова задрёмывая, я вздрагивала от ужаса: только бы не уснуть!

Может, добить оборотня и ждать на обочине, пока спасут? Должен же кто-то ездить по этой проклятой дороге... Тьма окутывала сознание, боль в висках гасла, веки опускались... спать... просто подремать секунду. Голова упала на грудь, вздрогнув, я выпрямилась до боли в спине. Холодная вода струилась по лицу.

Нет, так просто не сдамся, даже усталости: зря, что ли, столько боролась?

Но правильно говорят: труднее всего бороться с собой. Усталость была моя, и с ней сражаться сейчас труднее, чем с зомби.

Дождь редел, уже не бил по плечам, придавливая к волчьей спине. Шелест воды стихал, вот я смогла рассмотреть измордованные ливнем лоскуты полей, просёлочные дороги... И тёмное пятно в конце дороги.

Пятно росло. Зерновые сменились клевером, насыпь тракта пошла под уклон. Неужели город? Я подалась вперёд, и оборотень затрусил быстрее, хребет вонзался в промежность, я чуть не взвыла, снова навернулись слёзы, волосы мокрыми плетями били по лицу, но шага я не сбавила.

Впереди действительно был город: влажно блестели красные черепичные крыши и шпили храмов, гигантская лента радуги выросла из его сердца и растворилась в свинцовых облаках. В прореху туч брызнуло золото лучей, и Холенхайм, его угловатые крыши и шпили, высокая стена, обитые медью ворота – всё засверкало, изумительно яркое и тёплое по контрасту с холодными цветами неба и теней.

В груди стало тесно, рыдания душили. Склонившись на мокрую, пахшую псиной и мертвечиной холку, я заскулила и засмеялась, и чуть не задохнулась от радости.

Я почти добралась. Ещё немного – и всё наладится.

Пахло свежестью дождя, грозой, мокрым клевером. Холенхайм казался невероятно красивым. Блеклые, уходившие в небо дымы печных труб напомнили о тепле и еде. Жгучее желание оказаться там быстрее погнало оборотня рысью, я обхватила мохнатую шею, путаясь в своих и его ощущениях. Мы закружились по дороге, взметнули брызгами лужи.

Сосредоточившись, я заставила его идти ровно. Выпрямилась и даже слегка разжала посиневшие от холода пальцы. Улыбалась так, что от напряжения ныли мышцы, но не улыбаться не могла! Выпятила солидную грудь и вскинула голову: боевая ведьма я, одержавшая победу над армией зомби, или кто?.. Без диплома, правда, «или кто», но зомби победила!

Ну и что, что выгляжу хуже некоторых бродяг: в моём положении простительно. Я попыталась привести волосы в относительный порядок, но заочневшие пальцы плохо слушались, и, плюнув, я сложила их на холке. Насыпь кончилась, дорога стелилась на уровне клеверного ковра. Уютно пахло дымом и, если не мерещится, хлебом.

Массивные створки потемнели от времени, и новенькие полосы меди ярко выделялись, как и свежие рисунки гербов. На левой створке – на гладком зелёном поле пять чёрных дорог сходились в напоминавший ухо город. Насколько знаю, это план Холенхайма в год, когда он получил звание города и право на собственный герб. На правой створке – чёрное поле вертикально делил двуручный серебряный меч с луной вместо навершия, слева и справа на неё выли золотые волки. Герб главного местного аристократа – главы клана оборотней графа Эйлара.

И сижу я наверняка на соклановце графа. Неловко вышло – и оскорбительно для аристократа. Надо бы слезть, пока никто не увидел...

Вверху скрипнуло. Я вскинула голову: вытаращив блеклые глаза, на меня смотрел юный стражник, почти мальчишка. У него даже голос дрогнул:

– Ты кто?

– Практикантка. У вас там штатного мага убили.

Глаза стражника округлились ещё больше. Я вяло махнула себе за спину:

– Там ещё гора трупов в паре часов езды на оборотне. Тех, что на поле упокоили, я поближе к дороге оттащила, но на неё не выносила. Вы бы разъезд отправили – там, может, ещё зомби бродят.

Юнец побледнел на пару тонов, верхняя губа с редкими волосками заблестела от пота:

– Как убили? – он подтянул к макушке сползавший на лоб шлем.

– Зубами, – усталость наваливалась, смежая веки. – Загрызли его.

– Вы его успокоили?

Может, у него глаза всегда такие вытаращенные, от природы?

– Конечно. Боевая ведьма я или кто? – но, кажется, сейчас я буду упавшей с оборотня ведьмой. – Открывай скорее, я устала.

Он продолжал изумлённо меня разглядывать, и сил его поторопить не было, в горле всё пересохло.

Дверь в воротах скрипнула и отворилась, плечистый стражник в кожаном доспехе, смерив меня холодным грозным взглядом, глухо сказал:

– Документы, – с левой стороны у него висел меч, с правой – револьвер.

Оборотень поплёлся вперёд, и стражник положил ладонь на отполированную многочисленными прикосновениями рукоять меча. А я развернулась – голова оборотня тоже повернулась – и запустила плохо слушающуюся руку в сумку штатного мага, подвязанную рядом с чемоданами.

Пальцы почти утратили чувствительность, с минуту я искала кожаный пенал, от нетерпения оборотень переминался с ноги на ногу, густые с проседью брови стражника сдвигались под кромкой шлема. Наконец я ухватила цилиндр и протянула настороженно следившему за мной мужчине.

Руки у него были крепкие, загорелые, а под ногтями – чисто. Он проворно расстегнул медную застёжку, щёлкнула ломаемая сургучная печать, и сопроводительный документ развернулся. Прочитал стражник быстро, кивнул и, сворачивая бумагу, отступил:

– Добро пожаловать в Холенхайм, госпожа Тар.

Расширенный чемоданами оборотень с трудом протиснулся в прорезь двери.

– Мы пошлём разъезд, – стражник протянул мне застёгнутый пенал. – Вам прямо по улице, третий поворот налево и до упора.

От вялого кивка – оборотень тоже кивнул – закружилась голова, я вцепилась в пенал и поплыла по булыжной мостовой. Выбеленные дома подступали к ней вплотную: красивые, аккуратные, типично провинциальные домики в два-три этажа, с мансардами и крюками с обводными блоками для поднятия запасов на верхние этажи. Здесь тоже пахло свежестью, дождь хорошо промыл улицы. Я старалась отвлечься от сна вниманием к деталям, но не могла, мысли путались. Краем глаза замечала охранные печати и обереги, сигнальные столбы. Улавливала запахи еды.

Веки стали невыносимо тяжёлыми, перед глазами плыло, невольно тело расслаблялось. Моргнула – и на улице, в окнах вдруг появились люди. Чудом не пропустила свой третий поворот.

«Эй, ты победила – прими гордый вид, пусть все видят, какая ты молодец!» – увещевала гордость, но держать голову высоко поднятой было невыносимо. Мою – точно. Зато оборотень свою задрал высоко, словно выть собирался.

Люди шушукались, я попыталась принять гордый вид, хотя стоило сказать: «Сидите по домам, идиоты, не видите – я на пределе, вдруг зомби освободится».

Только подъезжая к дому в конце улицы – двухэтажному, кумачовому, с высокой каменной стеной, яблоневым садом и бело-красной табличкой над массивными воротами «Штатный маг. Время приёма с 9-30 до 18-00, перерыв на обед с 12-00 до 13-00», я сообразила, что, наверное, никто не понял, что я использую зомби.

Ворота и дверь в них выглядели добротнo, по четырём углам висели обереги, табличку явно недавно подкрасили. Сколько я тупо смотрела на красные буквы, не знаю, но глаза снова закрывались. Тряхнув мокрыми космами, я сползла с оборотня – промежность болела так, что сон отступил, а слёзы подступили – и враскорячку подошла к двери. Никаких замков, если и были охранные заклинания, я не почувствовала. Приложив ладонь к створке, из последних сил надавила, и дверь легко ушла внутрь – я едва устояла.

Схватившись за косяк, перевела дух и взглянула на двор: уютный, с каменной дорожкой к резному крыльцу и куда-то за дом, с мелким клевером в белых шариках цветов и грядкой с зеленью под окном. На яблонях слева и справа зеленели мелкие яблочки. Отличное место. Я зашла внутрь, отщёлкнула массивную задвижку и раскрыла ворота перед оборотнем.

Он вошёл. Отмытый дождём, оборотень выглядел почти красиво, шерсть была густой. Возможно, он из благородных. Едва волоча ноги, я закрыла ворота, отцепила от пояса свой многострадальный жезл.

Силы в руках не было, от напряжения последних действий я вся покрылась испариной, губы тряслись, ноги подгибались. Выронив пенал, я взяла жезл обеими руками, шумно выдохнула, напряглась и положила неподъёмный ученический жезл на вытянутый нос оборотня.

– Спасибо, приятель, – закрыв глаза, я зашептала формулу успокоения.

Ведро чужого восприятия исчезло с головы, пропало чувство четырёх лап и давления на нос. Поддержка под жезлом исчезла, и он потянул меня к земле следом за осевшим оборотнем. Взглянув на гору шерсти и чемоданы, сумку, я крепче прижала к груди жезл и поплелась в дом.

Мир расплывался, сужался до тёмного тоннеля с пяточком выхода, и в нём дверь опасно кренилась, поплыли цветные круги. Надеюсь, это из-за усталости, а не какого-нибудь от трупов подхваченного морового поветрия.

За дверью пряталась небольшая почти пологая лестница сеней, ноги путались в ступенях, цеплялись за них, а я цеплялась за стену, за саму лестницу. Уткнувшись во внутреннюю дверь, сколько-то стояла, восстанавливая дыхание: «Пусть она будет открыта, а, не хочу спать на коврик». Рука с третьего раза нашла ручку. Ноги подгибались, я потыкалась в дверь, сообразила, что она открывается наружу и потянула.

В открывшейся светлой комнате я видела только диван: большой тёмный диван. Надо было раздеться. Выронив жезл, – звук падения донёсся откуда-то издалека, – я поволоклась к дивану, неловко дёргая подол, пытаюсь дотянуться до застёжки. Диван как-то вдруг полетел на меня, оказался мягким, уютным и тёплым и...

Проснулась я на мягком и под мягким одеялом. Ночь с зомби – кошмар? Нет? Наверняка это был просто кошмарный сон. Аппетитно пахло шоколадом, и желудок сжался, заурчал. Рядом тонко звякнуло.

Я открыла глаза: объятый золотым светом, надо мной стоял белокурый ангел в голубом и ложечкой что-то размешивал в огромной белой чашке.

Ангел... я что, умерла?

Глава 10. В которой напоминает о себе мстительность огненных магов

Самое важное, что следует знать о нашем полном опасностей мире: внешность обманчива. За самым прекрасным лицом и нежным взглядом может прятаться чудовище.

Из наставлений для учеников младших классов.

В пронзительно-синих глазах ангела, очеркнутых чёрными-чёрными ресницами, было сострадание. По скулам вились тёмно-синие тонкие узоры татуировки, как клеймо у гомункулов. И чёрные ногти немного не вязались со светлым образом.

– Доброе утро, – поздоровался ангел звучным драматическим баритоном, почти переходившим в бас. – Ты молодец, прекрасно справилась с работой: всех зомби зачистила.

Я растаяла, в груди и животе, почему-то не стянутых корсажем, стало подозрительно трепетно. Ангел вынул ложку, стряхнул с неё коричневые капли и протянул чашку. От чашки пахло шоколадом.

Значит, последователи триединого бога правы, и я попала в то, что они называют раем. Навернулись слёзы умиления. Я протянула руки – от укусов на пальцах остались бледно-розовые лунки – и приняла в ладони тёплую тяжёлую чашку с шоколадом. Сорвавшаяся со щеки слезинка растеклась по его тёмной поверхности.

Ангел возвышался надо мной, концы длинных белых волос прятались за широкими плечами, узкую талию стягивал пояс с вышивкой. Золотое сияние немного раздражало яркостью, и я не могла решить: зажмуриться и насладиться шоколадом или наслаждаться вкусом, любуюсь прекрасным созданием.

Решила любоваться: вдруг ангела ненадолго выделили? Шоколад был тёплым, сладким до терпкости. Ангел приподнял бровь:

- А спасибо? - насыщенный тембр его голоса вызывал лёгкий трепет.

- Спасибо, - улыбнулась я.

Было так сладко, так хорошо... Постояв немного с приподнятой тёмной бровью, ангел представился:

- Меня зовут Сагихар. Допьёшь - приходи на кухню, это в конце коридора за той дверью, - он указал за мою спину. - Покормлю.

Он шагнул в сторону, в лицо мне ударил солнечный свет. Ангел, устремившийся к той самой двери, больше не сиял золотом, его длинные, почти до колен, волосы колыхались при каждом шаге. Огляделась: это комната в доме штатного мага, где я уснула. Диван точно тот. Платье и нижнее бельё кто-то снял, вместо них надели сорочку. Если это посмертие, то какое-то странное.

Наверное, я всё же жива.

Пожалуй, стоит радоваться.

Переведя дыхание, - внутри ещё бродил подозрительный трепет, - я оглядела комнату: пять дверей, два окна, - напротив ближнего к входной двери я и сидела, - лавки вдоль стен, несколько акварелей в синих и зелёных тонах, на одной - летняя приморская резиденция Его Высочества.

И, конечно же, плакаты с инструкциями, без которых не обходится ни одна контора штатных магов: правила обработки тел, чтобы они не превращались в зомби, признаки, по которым можно распознать оборотней, клещей, пауков-кукловодов и прочую мерзость. Симптомы простейших проклятий и способы

самостоятельной борьбы с ними, несколько бытовых заклинаний против мелкой нечисти.

Я определённо жива, в отличие от хозяина дома. Перед глазами так и встало: куратор висит в руках грызущего его зомби, – мурашки побежали по коже, и я натянула одеяло на плечи. Вкус гниющей плоти перебил сладкий вкус горячего шоколада. Тряхнув головой, – волосы так и высохли прядями-лохмами, – устала на коричневую сладость в чашке. Воспоминание о мерзком вкусе отступало...

Шоколад – не слишком ли дорогое удовольствие для захолустья? Я сделала пару глотков.

И гомункул... прикрыв глаза, вспомнила татуировки «ангела»: узор незнакомый, но положение и общий размер соответствовал канонам именных печатей мастеров. Этот Холенхайм одна сплошная странность. Снова тряхнув головой, я залпом допила горячий шоколад и опустила ноги на прохладный пол.

Доски были натёрты мастикой и на ощупь напоминали паркет. Я укуталась одеялом и отправилась искать кухню.

За добротной дверью между плакатом с предупреждением о клещах и картинками с грибами-обманками оказался коридор шагов на десять. На его стенах было по двери. Неосвещённый, удручающий, он напоминал бесконечные коридоры из кошмаров. Зябко поводя плечами, я крепче сжала на груди края одеяла и, выставив вперёд пустую кружку, достаточно тяжёлую, чтобы ею можно было защищаться от внезапной напасти, пошла вперёд.

Напастей не было, я нажала на дугу медной ручки, и, щёлкнув, дверь открылась в просторную кухню, после сумрака коридора понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть к свету, зато запахи – выпечки, варёных овощей и трав – я вдохнула полной грудью, и они почти опьянили.

Перед выбеленной печью стоял массивный стол и лавки, с потолка свисали пучки трав. Стеллажи вдоль стен скрывали кумачовые шторы, а в большое окно искоса падал солнечный луч. Умывавшаяся в его свете чёрная кошка подняла на меня разноцветные глаза:

– Мяс, – алая тряпочка языка болтнулась между клыков и снова заскользила по сжатой в кулачок лапе.

«Ангел» вышел из-за печи с кастрюлей в руках, теперь на нём был фартук и поварской синий колпак. Да, татуировки точно были гомункульными, и от этого по нервам пробежал холодок разочарования и грусти. На всякий случай уточнила:

– Ты гомункул, да?

Кивнув, Саги – рычащее имя «Сагихар» никак не вязалось с его тонким остроносом лицом – опустил кастрюлю на выступ плиты и вновь исчез за печью.

Тяжко вздохнув, я обошла стол и, поставив чашку, уселась на широкую добротную лавку – отсюда просматривались полки с посудой и закрытая белыми волосами спина. На Саги невозможно было не смотреть: такой стройный, явно сильный. Когда он повернулся, я с трудом перевела взгляд с точёных черт лица на не менее изящные руки с тарелкой, ложкой и поварешкой. Движения Саги были лёгкими, грациозными. Его создавал мастер с золотыми руками и огромным даром.

Гомункулов часто делали прислугой, у нас в институте было пару десятков: не слишком умные, будто высеченные из дерева, они прекрасно выполняли черновую работу, но обычная уборка в комнате – верх их возможностей. А Саги напоминал гомункулов столичных борделей и создаваемых для частного использования аристократами – такие беседа могли поддержать.

Столь изумительных созданий, как Саги, я видела лишь в папиной мастерской: то же щемящее сердце совершенство. Только папино клеймо было замысловатее и пурпурное – цвет придворных мастеров.

Интересно, Саги создан только слугой или у него и сексуальная функция есть?

Он поставил передо мной тарелку, от пряного запаха потекли слюни. Я смотрела в синие-синие глаза, на тонкий острый нос, тонкие губы. Саги отвернулся, и я, моргнув, опустила взгляд на тарелку: мелкие кубики моркови и прямоугольники клёцок, золотистые ломтики лука и жёлтые пятна жира.

«Какие у Саги глаза...»

Интересно, откуда у местного мага деньги на такого дорогого гомункула? Взяв прохладную серебряную ложку, я размешала цветные кусочки.

А если все функции Саги в норме, и куратор приобрёл его скрашивать одинокие ночи? Бывали такие любители.

Положив доску на выступ печи, Саги стал крошить баклажаны.

Удивительно, что никто из практикантов о нём не рассказал: такие шедевры не каждый день встречаются, даже ученикам институтов магии. Особенно ученикам нашего института. Или это недавнее приобретение? Подарок? Или сам маг... нет, если бы куратор мог делать таких гомункулов, он бы озолотился!

Продолжая крутить ложкой в супе, я тихо заметила:

- Эмм... грустно, когда хозяин погибает?

- Хозяин? - полуобернулся Саги, и косой солнечный луч почти дотянулся до прелестного лица.

- Ну... куратор.

- Он не был моим хозяином, я приписан к посту.

У меня отвисла челюсть: такая красота - и просто прислуга штатного мага? Да не может быть!

- Но... - я несколько раз моргнула. - Как? Ты же... такой, - чуть не проболталась, что даже папа таких красавцев не создавал; впрочем, он на женщинах специализировался и мужчин делал дважды на моей памяти.

- Я дипломный проект предыдущего штатного мага, - Саги отвернулся, продолжил с профессиональной быстротой крошить баклажан. - При создании не приняли во внимание влияние места - под домом плиты старого храма - и меня связало с этой точкой пространства: силы быстро расходуются, если

выхожу за ворота, город покинуть вовсе не могу. Поэтому меня оставили служить здесь.

Дипломный проект... интересно, за какие провинности сюда сослали практиковаться такой талантище? И почему никто из студентов о Саги не рассказывал? Или я традиционно пропустила всё самое интересное?

И имейся у Саги сексуальная функция, от ведьм-практиканток, пожалуй, отбоя бы не было: выносливые, стерильные гомункулы идеальные любовники. Нет, мне пока такие услуги гомункула противопоказаны, но... Он впечатлял, действительно впечатлял, с таким было бы недурно... Что-то как-то жарко стало, особенно в нижней части туловища.

Сбросив накрошенные баклажаны в кастрюлю, Саги достал из корзины возле печи две золотистые луковицы и, посмотрев на мою тарелку, велел:

- Ешь быстрее, у тебя много дел.

Какие же у него красивые глаза... Смысл сказанного дошёл не сразу, я выронила ложку:

- Каких дел?

- Рабочих. Сегодня нужно нанести визит бургомистру, засвидетельствовать почтение главе торгового союза. И принести извинения графу Эйлару за использование его племянника в качестве ездового животного.

- Эмм... - в принципе, звучало не так страшно.

- А потом, - промокнув руки о полотенце, Саги снял с верхней полки увесистую тетрадь и раскрыл, - ближайшие две недели расписаны буквально по минутам: Гауэйн хотел провести как можно больше практических занятий, поэтому оставлял не слишком опасную нечисть до твоего приезда...

- Но почему? - похолодела я. - Практика здесь - это же всем известная халява, почему в этом году серьёзная программа?

– Гауэйну пришло письмо из вашего института от некоего господина Марли.

Сердце ухнуло в пятки: ох уж этот глава факультета огненных магов!

– Письмо было довольно грубым: он обвинил Гауэйна в некомпетентности и потворстве студенческой лени, обещал написать жалобу в министерство образования, если в этот раз подготовка не будет достойной.

Вот гад: ну подумаешь, шкаф ему нос сломал... в двух местах, да глаз подбил, ведь подлатали так, что на следующий день было уже незаметно.

– Гауэйн рвал и метал, так что программа практики вышла насыщенная: он собирался по всем годам обучения пройтись, не только по последнему. Сегодня по плану уничтожение гнезда клещей и обновление охранных чар на восточных фермах. Если правильно помню карты, одной езды на добрые три часа. Ешь быстрее, надо это сегодня закончить, завтра дел ещё больше.

На сердце стало как-то совсем нехорошо, я поёрзала:

– Эмм... практика без куратора?

– Бургомистр послал запрос, но вряд ли замена прибудет раньше, чем через месяц, так что пока ты у нас штатный специалист.

Я ослышалась, да? Я сглотнула:

– Что?

Ресницы Саги дрогнули, он поднял на меня спокойный взгляд:

– Согласно тарагдскому праву ты, как самый подготовленный специалист, несёшь ответственность за участок до прибытия нового штатного специалиста. Извещение отправлено в университет, если не успеешь вернуться к защите дипломной работы, дадут отсрочку, всё в порядке.

Сердце медленно и неотвратно уходило в пятки, а ужас стальными кольцами сковывал грудь.

В порядке, да? Да ни разу!

Ну почему я не прошла инициацию, а? У меня два месяца было на решение проблемы по-тихому! Зачем я вообще промолчала – ну, ладно, это я знаю: стыдно было, что не получилось, пожалела, но... если бы знала, если бы только знала, что всё так обернётся – плевать на позор! А теперь... ужас-то какой.

От лица отхлынула кровь, кожа похолодела: а если признаюсь, что не инициированная сюда потащилась и об этом никого не известила – мне крышка. Ну как я могла настолько сглупить?! Чем я думала?

– Послушай, – мой голос дрожал и звучал хрипло, Саги удивлённо вскинул брови, а я облизнула пересохшие губы и пролепетала: – У вас здесь живут маги? Ну хоть какой-нибудь завалящий просто маг?

Сердце тревожно ухало, я вся сжалась, ожидая ответа, как приговора.

Глава 11. Об условном везении

Гомункулы – искусственные существа, их сходство с человеком зависит от силы создателя, его желаний и установок владельца управляющей печати. Но даже самый совершенный гомункул есть бледная тень человека, не обладающая свободой воли и правами.

Из пособия для первоклассников.

Теперь я сосредоточилась на своей магии: после такого интенсивного расхода восстановилась она неплохо, но этого мало для полноценной работы.

Мне позарез нужен маг.

- Есть маги, - в синих глазах Саги мелькнула тень сочувствия. - Но на их помощь не рассчитывай: род Эйлара защищает только свои поселения.

- Да мне не помо... - я закусила губу: «Молчи! Даже перед гомункулом язык распускать не стоит». Переведя дыхание, продолжила: - Мне бы просто магов. Есть в округе?

- Мм, - подняв взгляд к потолку, Саги постукал пальцем по острому подбородку. - Кажется, есть пара человек. Но они, насколько знаю, без лицензии. По крайней мере, никто не заменил Гауэйна, когда он болел.

- А где узнать их адреса? - даже не заметила, как молитвенно сложила руки.

- В ратуше должны быть, - Саги склонил голову набок. - Но на помощь особо не надейся.

- Не буду, - пообещала я, но надежда штука такая: и не хочешь - появляется.

Саги смотрел так, что внутри всё переворачивалось.

Я опустила взгляд. На пальцах блестели нежной кожей тонкие полоски шрамов, и в памяти вспыхнуло: оборотень. Зомби. Тетрадь с жутким «Она идёт». Сломанный жезл штатного мага, место которого досталось мне... А не разумнее ли сбежать? Но... это будет преступлением, снова придётся мотаться по стране, отваливать гору денег - которых нет - за новые документы и заново учиться ради лицензии или на что-то её покупать.

- А зарплату платить будут? - я облокотилась на стол.

- Да, в двойном объёме: за практику и штатную работу. Осталось в контракте расписаться, я всё подготовил, пока ты спала.

- О, благодарю, - я кивнула, но дурное предчувствие холодило внутренности, интуиция твердила: беги!

- ...и вещи твои просушил, рабочий костюм отдал в починку.

– О, за это отдельное спасибо, – я улыбнулась этому замечательно сообразительному гомункулу. – И за то, что переодел, больные места помазал: даже не скажешь, что я несколько часов на волке без седла ехала.

Промежность совсем не болела, и внимание я на это обратила только из-за разговора об одежде. Глаза Саги чуть потемнели, он продолжал ровно отчитываться:

– Слуги Эйлара забрали со двора тело. Капитан передал благодарность за отлично выполненную зачистку.

О да, зачистка. Зажмурившись, я потёрла лоб:

– Очень странная ситуация.

– Да. Такого здесь ещё не случалось.

– Но почему зомби было так много?

Я из-под руки взглянула на Саги. Его губы были плотно сомкнуты, взгляд помутнел:

– Кто-то отравил колодец, – он отвернулся. – На ферме недалеко от тракта. Или природные яды попали. Там ещё наёмные работники дом строили. Все умерли, упокоить их было некому. Стражники разбираются, выслали образцы воды в алхимическую лабораторию Вирба, вчера следователь приехал, наверное, и тебя допросит.

Следователь? Меня аж передёрнуло, инстинктивный страх холодом сжал внутренности. Я глубоко вдохнула: «Не по мою душу пришёл, спокойно, обвинять меня не в чем... стоп».

– Вчера? – я смотрела в затылок Саги.

– Ты проспала больше суток.

– О...

Понятно, почему магия так «хорошо» восстановилась.

– Поэтому времени на отдых не осталось, – взмахнул рукой Саги. – Доедай суп, тебе ещё одеться, причесаться надо и до ратуши идти пятнадцать минут.

Кивнув, я почерпнула пёстрый суп и, попробовав, обомлела:

– Мм... ничефо... – заправила ещё ложку, – фкуснее не ела.

Посмотрев, как я торопливо уплетаю суп, Саги отрезал ломоть свежего хлеба с вкраплениями льняных семян, полоску ноздреватого сыра и подал на тарелке:

– Надеюсь, у тебя не всегда такой аппетит.

– А что? – я вскинула голову.

– Гауэйн ел немного, я не буду готовить больше, чем для него.

Гомункул, отказывающийся готовить, сколько прикажут? Похоже, создатель не только с привязкой к местности начудил.

– Немного я ем, не волнуйся, – я склонилась к тарелке, но поглядывала исподлобья: Саги добавлял соль в кастрюлю с баклажанами. – Я о фигуре забочусь.

– Это хорошо. Я тоже забочусь. Надеюсь, мы найдём общий язык.

Я закашлялась. Подойдя, Саги неловко похлопал по спине:

– Ешь. Больше никаких разговоров во время еды.

Мной командует гомункул – ох, ну что за странное место практики я выбрала на свою голову?

Одежду Саги не только высушил, но и выгладил – всё до последних панталон. И кружева накрахмалил. Книги высушил с распёртыми щепками страницами, действительно пострадала только одна – не защищённый магией эротический роман. Все они были в алфавитном порядке расставлены на стеллаже в светлой спальне на втором этаже, где я переоделась у небольшого трюмо в синее, почти в цвет глаз Саги, платье, расчесала спутанные, но чистые волосы гребнем и разметала по плечам на ведьмовской манер.

«Повезло, что Саги такой высококлассный слуга», – оправляя кружево декольте, я ступила на широкую лестницу из морёного дуба. Платье приятно шуршало и из-за этого чувственного шороха казалось дороже, чем есть.

Внизу стоял Саги с корзиной чистого, но не глаженого белья и пристально следил, словно ждал, что я упаду и придётся ловить. Ошеломляющий, просто божественный цвет глаз, какие изящные черты. Никогда не считала треугольную форму лица симпатичной, но Саги при такой прямо красив. А ресницы – надо же быть такими густыми... он точно не накрашен? Спускаясь, я всё больше выпячивала грудь в обрамлении жёстко торчавших кружев.

Ну что за идиотское желание понравиться гомункулу? Все их эмоции задаются волей хозяина, и если найду управляющую печать, он будет обожать меня в любом виде.

Мне оставалась последняя ступень, когда Саги, щуря изумительно синие глаза, оказавшиеся на одном уровне с моими, равнодушно заключил:

– Волосы плохо уложила.

А? Держась за гладкие резные перила, я растерянно смотрела ему в лицо. Гомункул ещё и оценивает критично? С другой стороны, кто знает, что от него требовал бывший владелец. Да и жил штатный маг бобылем, может, ему нужны были замечания о внешности?

– Ты сказал торопиться... – невольно промямлила я.

– Холенхайм маленький город, к новичкам присматриваются особенно тщательно. Не надо разочаровывать людей после столь шикарного появления, – Саги поставил корзину на выступ-скамейку у торца лестницы и мотнул

головой. – Пойдём, помогу.

Он и укладку сделает? Сокровище! Улыбнувшись, я поспешила следом, подстраиваясь под быстрый шаг.

Дом штатного мага напоминал фрагмент муравейника: много переходов, балок, дверей и дверок. Теснота скрадывалась белым цветом стен, но подчёркивалась тёмным деревом балок и дверей. Отворив очередную, Саги, гулко стуча каблуками, начал спускаться по терявшейся во тьме лестнице.

– Э? – я осталась на верхней ступени.

Саги обернулся. Его волосы, лицо будто светились в сумраке.

Губы. Мне всегда казались сексуальными только пухлые губы, но тонких, чётко очерченных губ Саги хотелось коснуться, в них была непонятная, завораживающая прелесть.

Переступив с ноги на ногу, я уточнила:

– Зачем в подвал?

– Вещи покойной жены Гауэйна хранятся в подвале, выберешь себе гребни. Свои ты потеряла или просто волосы не убирала? – и взгляд такой... осуждающе надменный.

– Потеряла, – солгала я, и щёки потеплели от прихлынувшей крови.

Признаваться в нехватке денег на приличные заколки совершенно не хотелось. Волосы у меня и так хороши, я их редко собирала и в таких случаях использовала скромные шпильки. Вдруг в подвале есть стоящие вещи? Мне не мешает выглядеть солидно на встрече с бургомистром и прочими. Ещё инициация эта... Кровь отхлынула от лица.

– Смотреть будешь? – Саги через плечо указал на дверь. – Я не могу весь день с тобой возиться, решай быстрее.

Да, вежливости ему создатель и владелец не доложили.

– Где твоя управляющая печать? – я грозно смотрела в его потемневшие глаза, будто обведённые чёрным.

Нехорошая улыбка исказила тонкие губы:

– Найди сама, хозяйшка.

Хмурясь, я упёрла кулаки в бока:

– Ты должен подчиняться людям, владельцу.

– Мой владелец мёртв, я никому не подчиняюсь.

– Выгоню, – насупилась я: не хватало ещё позволять мной командовать какому-то гомункулу, пусть даже головокружительно красивому.

– Ну попробуй, – усмехнулся он и с хищной улыбкой пошёл на меня.

Его глаза опасно блестели, правый полыхнул алым...

Глава 12. В которой появляется наследство

Временами мне кажется, собачья у нас жизнь. С одной стороны, мы вроде как защищаем своё место, а с другой – принадлежим ему, как сторожевые псы.

Записки штатного мага.

Отшатнувшись, я врезалась в стену. Саги звонко рассмеялся, прикладывая изящную ладонь к животу.

– Идиот, напугал ведь! – топнула я и направилась прочь.

Но шагов через десять сообразила: а чего это я? И, резко развернувшись на каблуках, возвратилась к лестнице в подвал: Саги ждал, криво ухмыляясь уголком губ.

– Знаешь, сколько зомби я в одиночку положила? – я снова упёрла кулаки в бока.

– Знаю: отчёт видел, – он сложил руки на груди.

– Тогда должен понимать, что я с тобой могу сотворить, – к щекам снова прилила кровь: в общем-то, положила я не одна, а с помощью оборотня, и везение помогло больше, чем навыки, да и ситуация нелепее некуда: зачем я пререкаюсь с гомункулом?

А нравится. Внезапно это оказалось приятно: просто спорить, не боясь привлечь излишнее внимание, выдать себя.

– А ты должна понимать, что ты не моя хозяйка, и я тоже могу что-нибудь с тобой сотворить, – он снова сощурился. – Повезло, что Гауэйн не приказал убивать глупцов, завалившихся в дом без спросу, иначе лежать бы тебе в могиле.

Эм... в чём-то он был прав: гомункулы такие приказы легко исполняли. Опустив взгляд, я поковыряла носиком ботинка тончайшую, с волос, щель между половицами – глупая детская привычка, но я до сих пор её не переборола. Кашлянув, заговорила примирительно:

– Может, скажешь, где твоя печать?

– Маленькая ты ещё, неопытная и слишком вспыльчивая, чтобы я доверил тебе управление, – леденящим тоном ответил Саги, но добавил мягче, хоть и с тенью раздражения: – Заколки мадам посмотришь? Или так, растрёпой, к благородным людям пойдёшь?

Зубы стиснулись до скрипа: и тут намёки на низкое происхождение. Или я надумываю? Саги всем видом демонстрировал недовольство задержкой.

– Посмотрю, – я понурилась. Ничего не поделать: документы у меня низкородной девушки, воспринимают меня так, и вести себя надо соответствующе, чтобы лишних вопросов не возникало. Вдохнув и выдохнув, я подняла голову и постаралась изобразить радость простолюдинки, получивший шанс примерить украшения настоящей дамы. – Конечно, с удовольствием.

Саги глянул так, словно спектаклю не поверил, но развернулся и снова пошёл вниз. Шаги его гулко отдавались в коридорчике, замок щёлкнул, и дверь отворилась с протяжным скрипом.

– Гауэйн не заходил сюда несколько лет, – будто оправдывался скрытый кромешной тьмой Саги. – Но вещи защищены магией, может из платьев что подойдёт, хотя... с твоей грудью, даже не знаю, если только швея переделает.

Внизу затеплился жёлтый огонёк и разросся, очертив прямоугольник проёма, узорчатые плитки пола. Подвал, судя по всему, был хорошо отделан. Вдохнув, я ступила на лестницу...

Подвал в бежевых тонах оказался большим, стены из огромных блоков – видимо тех, что повлияли на привязку Саги к месту, – кое-где были прикрыты добротными стеллажами и зачехлёнными то ли картинами, то ли зеркалами. В воздухе – ни капли затхлости давно закрытого помещения. Посередине плиточного пола на локоть выступал тёмный постамент с почти стёршимся рельефным узором, на подъёме – столешница.

– Осталось от древнего храма, – подтвердил мою догадку Саги и поставил на столешницу масляную лампу.

Жёлтый свет подрагивал на стенах и полках, сундуках, старой кровати с балдахинном, на груде цепей... с кандалами. Сглотнув, я шагнула назад, но на гору кандалов в углу Саги даже не взглянул, он тянул со среднего правого стеллажа коробку, обклеенную светлой обёрточной бумагой.

Поставив коробку рядом с лампой, Саги снял крышку с аккуратной подписью «украшения» и махнул рукой:

– Выбирай.

Скользнув взглядом по сторонам – подвал выглядел уютно, оберегающие от пыли и разрушения заклинания создавали приятную ауру, только постамент посередине был какой-то... мрачный, что ли? Не знаю, но он мне не нравился. Саги спокойно стоял рядом и, кажется, ничего особенного не ощущал:

– Только не говори, что передумала, – он полуобернулся, жёлтый свет красиво очертил его профиль.

– А... ничего, что мы без спроса?

– У Гауэйна не было родственников, все вещи уходят в собственность этого отделения, – он отступил в сторону, снова складывая руки на широкой груди. – Давай, наслаждайся цацками, деточка.

Проклятье! Ну как он, гомункул несчастный, существо низшего порядка, умудрялся говорить и смотреть так, что я чувствовала себя, как среди обнищавших институтских аристократиков, которым в радость поиздеваться над простолюдинами с магическим даром? По спине поползли мурашки, волосы вставали дыбом.

– Пока я не составил опись, можешь взять пару вещиц навсегда: я, так и быть, закрою на это глаза, – шире улыбнулся Саги.

К щекам прихлынула горячая кровь, от гнева сжались кулаки. Подачка от гомункула! Что может быть унижительнее?

А с другой стороны... вдруг там что ценное, красивое? Если бы кто только знал, как я любила украшения, я часами могла перебирать мамины драгоценности, а теперь и колечко приличное – несбыточная мечта ближайšie несколько лет работы, если, конечно, не стану содержанкой.

А этот искуситель насмешливо поглядывал, обращённая к лампе щека казалось золотой, как и волосы, впитавшие жёлтый свет. Снова этот ангельский ореол, делавший его каким-то нереальным...

– Шутишь? – глухо спросила я, а саму тянуло взглянуть на грудь кандалов, спросить, зачем они здесь.

– Нет, – он легко качнул головой. – Думаю, ты достойна награды за ночное приключение. Не знаю, как отнёсся бы к этому Гауэйн, но он всё равно не может возразить. И человек, помешавший ему обратиться в зомби, по моему разумению должен получить от него благодарность, если не словесную, то материальную.

О! Я моргнула, пытаюсь избавиться от очарования его исключительно соблазнительной внешности, спросила решительнее:

– А деньгами?

Теперь моргнул он, лицо ощутимо помрачнело:

– Ещё торговаться будешь? Я и так делаю одолжение, а это не входит в мои обязанности.

Как-то не заладилось наше общение. Кому бы сказала – не поверили бы.

Опасаясь остаться без украшения, я выдавила:

– Извини.

Саги приподнял красивую бровь. Шумно вдохнув, я повторила... мягче:

– Извини.

– Выбирай, – он изящно взмахнул в сторону коробки. – Только поспеши, надо ещё волосы уложить. Понимаю, ведьмам можно и с распущенными ходить, но авторитет лучше зарабатывать сразу: ты единственный представитель магической власти на территории и защищать твои интересы больше никому.

Как-то не думала я об этой стороне назначения, и тревога, видимо, отразилась на лице, потому что Саги вдруг смягчился:

– Выше нос, Мияна, ты очень эффектно начала, если правильно себя поведёшь, сможешь сделать карьеру. Если не имеешь ничего против оборотней, то знай: двое сыновей и три племянника графа Эйлара ещё не сосватаны. Да и сам он

вдовец.

- Ты меня сватаешь? - брови решительно поползли на лоб.

- Разумеется, а то вдруг ты решишь остаться: место-то свободно, а работа не слишком сложная.

Открыв рот и закрыв, я несколько раз моргнула, наконец, обрела дар речи:

- Ты... пытаешься от меня избавиться?

Саги вздохнул:

- Без обид, но с женщинами слишком много хлопот: все эти платья-подъюбники, рюшечки-финтифлюшечки, шляпки, всюду длинные волосы...

- Будто у тебя волосы не выпадают, - я махнула на его голову. - Весь дом, наверное, засыпал своей волоснёй.

Мрачнея, сдвигая брови, Саги грозно продолжил:

- ...капризы всякие, отсутствие здравого смысла и логики, лезущие в окна любовники...

- Мои будут в дверь заходить.

- Э нет, я не собираюсь слушать ночные дифирамбы.

- Да я... - внутри всё пылало от возмущения, но слов не было. - Да ты...

- Мужчина бы уже десять минут как шёл к бургомистру, может даже уже начал бы дела решать.

Задохнувшись, я не могла выдохнуть застрявший в груди воздух, просто бессильно сжимала кулаки.

Одно дело терпеть оскорбления от мужчины, какого-нибудь аристократа, мага с опытом – от тех, от кого простолюдинам положено терпеть почти всё, но от пустышки, от куклы, магией созданной! Закрыв глаза, я досчитала до десяти и смогла выдохнуть: да, он просто зарвавшаяся кукла и не стоит переживаний. Открыв глаза, я бросила на него равнодушный – я на это надеялась – взгляд и направилась к коробке.

Внутри лежали бархатные мешочки: чёрные, синие, бордовые. Саги не отступил, он слегка опирался на столешницу и источал соблазнительный запах дрожжевого теста. Запах удивительно не подходящий мужчине, но почему-то очень привлекательный именно исходя от мужчины.

«Он никто, – я запустила руки в коробку, поглаживала бархат, прятая под собой жёсткость украшений. – Просто слуга, не более».

Раздражение на Саги убивало трепетное отношение к наследию давно умершей женщины, и я бралась за вещи равнодушно, словно за новые в магазине. В первом же мешочке – чёрном – оказалась нитка жемчуга с красивым золотым вензелем застёжки. Но жемчуг я не любила, хотя в желтоватом свете он казался каким-то особенным.

В следующем мешочке был комплект: золотые кольцо, заколка и браслет с опалами – изделия пусть не слишком талантливого, но мастера. Вещь чересчур дорогая для моего положения. Но с прикосновением к этим огненным опалам в рамках колючих лепестков сомнения в правомерности присвоения украшений исчезли.

Я вываливала сокровища на столешницу: кольца, серьги, заколки и гребни, браслеты, геммы, фабулы, броши. Дух захватывало от их драгоценного блеска, сердце переполняла радость, пальцы дрожали: всё это здесь, в моих руках, я могу снова и снова приходить и перебирать их, надевать. Тут были даже диадемы, одна – с розами в россыпи опалов, другая напоминала узоры мороза из бриллиантов.

Сердце бешено стучало, я опустила морозную диадему на голову и, заглядывая в синие-синие глаза, прошептала:

– Мне идёт?

– Надеюсь, ты не собираешься надевать это на встречу с бургомистром, – заломил бровь Саги, но было что-то в выражении его лица, что заставляло подозревать: ему понравилось.

– Ну конечно нет! – я с сожалением сняла диадему и положила на ворох мешочков. – На такую встречу если и надевать, то что-нибудь скромное. Вот это, например.

Я вынула из полотна сверкающих вещей черепаховый гребень в оплётке серебряных узоров.

– Хороший выбор, думаю, длины волос хватит его удержать, – кивнул Саги.

Он укладке научился, прислуживая покойной? Спрашивать не хотелось. Саги наблюдал за мной с любопытством... изучал? Сейчас он напоминал кота, крадущегося к куску мяса. Опустив взгляд, я несколько секунд изучала сокровища и вытянула из них скромную бархатку с каплей чёрного камня, его грани сверкнули в свете лампы огнём:

– И, пожалуй, это, – разглядывая крепление камня с тонким узором коловоротов, я вслушивалась в магические колебания. – Кажется, это оберег.

– Да, защита от сглаза, – брови Саги дрогнули, но не уползли ни на лоб, ни к переносице. – Вполне пристойная вещь для ведьмы. Помочь?

Представила, как его руки касаются шеи, и мурашки поползли, я отрицательно мотнула головой, и хвостики бархатки качнулись.

– Давай поторопимся, – попросила я. – Если сегодня и впрямь так много дел...

– И сегодня, и завтра, и все две недели.

– Что, совсем без выходных? – по привычке я смотрела жалобно и строила глазки, хотя наличие и отсутствие выходных меньше всего зависело от Саги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zamoskovnaya_anna/koshmarnaya-praktika-dlya-koshmarnoy-ved-my

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)